

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Stack #00.110 F

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

151x10

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

СХVI

ДРЕВНЕРУССКІЯ
СКАЗАНІЯ О ПТИЦАХЪ

СООБЩЕНІЕ

ХРУСАНОВА ЛОПАРЕВА

1896

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1, 1922

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества
Любителей Древней Письменности.

Секретарь *В. Майковъ.*

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

ЛЕОНИДУ НИКОЛАЕВИЧУ

МАЙКОВУ

ПОСВЯЩАЕТЪ

ПУБЛИКАТОРЪ

Характерныя особенности разныхъ птицъ, подмѣченныя уже въ древнѣйшихъ памятникахъ человѣчества, подали поводъ къ иносказательному ихъ примѣненію къ людямъ съ ихъ разнообразнѣйшими характерами. Первоначальною литературною формою для выраженія аллегоріи была басня, изъ которой произошла комедія и сатира; что же касается до основаній для такого приуроченія, то тутъ видное мѣсто занимаетъ фізіологъ.

Птицы наравнѣ со звѣрями басни иносказательно представляютъ тотъ или другой образъ человѣка. Онѣ летаютъ, поютъ, проявляютъ тѣ или другіе присущіе имъ инстинкты, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, то между собою, то со звѣрями, то съ человекомъ. Георгій Писиды въ своемъ „Шестодневѣ“ замѣчаетъ: „кто птицамъ языки изюстри, аки арганскія пѣсни, яко и мнится общимъ баснописцамъ быти въ нихъ разумной бесѣдѣ“¹⁾. Представителемъ подобнаго рода произведеній на греческой почвѣ былъ, какъ извѣстно, Эзопъ, у котораго находимъ слѣдующій рядъ птицъ: алкіонъ, воронъ, ворона, галка, голубъ, гусь, жаворонокъ, журавль, куропатка, ласточка, лебедь, орелъ, павлинъ, пѣтухъ, соколъ (ястребъ, *ίέραξ*), соловей и пр. Но басни его не оказали замѣтнаго вліянія на нашу древнюю письменность (до XVII вѣка). Птичья аллегорія изъ басни перешла въ діалогизмъ въ польской литературѣ XVI вѣка (Мик. Рея діалогъ *Geś z kurem*), а въ русской литературѣ—въ XVIII вѣкѣ (діалогъ лисицы съ куромъ)²⁾.

Басенная аллегорія, принявшая вскорѣ характеръ сатиры, появляется затѣмъ въ извѣстной комедіи Аристофана *Ὀρνίθεσ*,

¹⁾ Пам. Др. Письм., 1882, XXXII. 28.

²⁾ Повѣсть вѣло пречюдна о куре и о лисицѣ настоящаго сего нынѣшняго вѣка (рук. Археогр. Комм. 107—162 л. 53).

осмѣивающей сутяжничество Аѳинянъ. Здѣсь поименованы птицы: алкіонъ, водолазъ (гагара? *κολομβίς*), галка, голубъ, горлица, жаворонокъ, крапивникъ, куликъ (*έλεῖς*), кукушка, еуропатка, морской орелъ (*φύκη*), павлинъ, пустельга, пѣтухъ, сова, удода и мн. др. Нѣкоторые изъ нихъ являются совѣтницами людей: ворона руководить Писетеромъ, галка Евелпидомъ и пр. Эти Аѳиняне, избѣгая могущихъ быть процессовъ, отправились къ Тирею (удоду) съ просьбою сказать, какой городъ наиболѣе безопасенъ отъ сутяжничества. Слуга удода, крапивникъ, посовѣтовалъ имъ построить городъ въ воздухѣ, что тѣ и дѣлаютъ и переселяются сюда вмѣстѣ съ птицами. Однако и этотъ воздушный городъ не былъ оставленъ въ покоѣ: аѳинскіе предсказатели и прорицатели и даже землемѣръ Метонъ стали являться сюда съ цѣлью поднять тяжёлое дѣло; наконецъ и сами боги явились съ жалобою къ птицамъ.

Говоря о птичьей литературѣ, невозможно пройти молчаніемъ востокъ, страну, въ которой быть можетъ больше, чѣмъ гдѣ либо, сказывалась потребность въ образахъ, картинахъ и аллегоріяхъ. Во главѣ стоитъ индійская Панчатантра (до VI в. по Р. Хр.) и особая ея версія Kagataka и Domanaka съ разнообразными редакціями и переводами: пехлевійскимъ, арабскимъ (*Kalilah wa Dimnah*, VIII в.), персидскимъ (IX—X в., *Anwar-i Suhaili* XII в., *Ayari Danish* 1593 г.), греческимъ (*Στεφανίτης καὶ Ἰχθυλάτης* XI в.), санскритскими же *Kathā-Sarit-Sāgara* и *Hitopadesha* (XII в.), еврейскимъ (*Directorium humanae vitae* XIII в.), турецкимъ (Гумайюнъ-Наме XVI в.), славянскимъ (XIII и сл. в.), нѣмецкимъ (XIV в.), французскимъ (1556 г.), англійскимъ (1570), датскимъ (1618 г.), голландскимъ (1623 г.), и т. д. ¹⁾ Въ общихъ чертахъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ выводится царь левъ (индійскій царь) со своими совѣтниками—звѣрами и птицами, которые преподають ему совѣты житейской мудрости, морали и политики въ видѣ басенъ. Птичья

¹⁾ Переводныя изданія этихъ памятниковъ указаны О. Булгаковымъ въ «Стефанитъ и Ичнитатъ» (изд. Общества, 1877, XVI); славянскіе списки и Редакціи рассмотрѣны А. Викторовымъ въ «Стефанитъ и Ичнитатъ» (изд. Общества, 1880—81, LXIV и LXXVIII).

аллегорія на арабской почвѣ не замедлила принять философско-религиозный характеръ, являясь литературною формою для описанія богословскихъ споровъ въ области ислама. Въ X столѣтїи арабскій писатель Schahrazūī въ своемъ „Спорѣ между человѣкомъ и звѣремъ“ выводитъ на сцену царя Bīvaḡasr Мудраго, передъ которымъ и происходитъ этотъ споръ. Посоль Бивараспа является къ птичьему царю Schahmugh, который собираетъ черезъ своего визира павлина всѣ роды пѣвчихъ птицъ съ суши и съ моря: удода (шпіона), голубя (путеводителя), рябчика (герольда), фазана (пѣвца), жаворонка (оратора), соловья (подражателя), ласточку (архитектора), ворона (предсказателя), журавля (стража) и т. д.; изъ нихъ депутатомъ къ царю Бивараспу посылается ночной соловей, какъ самый краснорѣчивый. Затѣмъ посоль является къ другому птичьему царю, грифу, который собираетъ хищныхъ птицъ: коршуна, орла, ястреба, сокола, филина, попугая и др., и посылаетъ къ царю Бивараспу филина. Въ спорѣ принимаютъ участіе разныя партїи: иракезцы, индіане, евреи, сирійскіе христіане, корайшиты, греки, хорасанцы, персіане и т. д.; изъ него выясняется вопросъ о магометанской сектѣ X столѣтїи „Чистыхъ Братьевъ“ или „Благородныхъ Друзей“, апологія которой и дается въ сочиненїи ¹⁾). Птичья аллегорія въ XII — XIII вѣкѣ, подъ перомъ Azz-Eddin Elmocadessi, приняла морально-сентиментальное направленіе. Въ сочиненїи „Птицы и цвѣты“ этотъ писатель предложилъ между прочимъ разговоры птицъ: ворона, голубя, грифа, ласточки, павлина, попугая, пѣтуха, совы, сокола, соловья, удода, утки и пр., но всѣ они носятъ отпечатокъ мистическій или спиритуалистическій, составляющій особенность ученія софи о познанїи Бога ²⁾). То же должно сказать и о литературѣ турецкой, гдѣ птицы аллегорически представляютъ извѣстныя партїи въ богословской и политической борьбѣ между правовѣрнымъ мусульман-

¹⁾ Der Streit zwischen Mensch und Thier, ein arabisches Märchen übers. von Fr. Dieterici. Berlin 1858, S. 60, 72 и пр.

²⁾ Les oiseaux et les fleurs, allégories morales d'Azz-Eddin Elmocadessi. publ. par M. Garcin. Paris 1821, p. 44 sq. Указанїемъ на оба сочиненїя мы обязаны любезности барона В. Р. Розена, которому приносимъ глубокую благодарность и за самыя книги.

ствомъ и суфическимъ дервишизмомъ, борьбѣ, достигшею апогея въ половинѣ XVII столѣтія. Въ сочиненіи Бульбуль-наме ¹⁾, докладъ о которомъ читанъ проф. В. Д. Смирновымъ въ засѣданіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества 29 февраля текущаго года, представленъ также разговоръ птицъ. Совѣтниками царя Соломона являются кромѣ людей и птицы. Однажды соловей (самка) скрылся въ уединенное мѣсто, куда потомъ прилетѣлъ и другъ ея (самецъ), сперва было отказавшійся отъ этой уединенной прогулки. Воронъ, негодуя на праздно - пріятное проведеніе ими времени, предъявилъ жалобу Соломону, заподозривъ нравственность ихъ поведенія. Лже-свидѣтелями его явились: коршунъ, куропатка, дикій голубь, воробей, попугай, страусъ, соколъ и др. птицы. Соловей былъ позванъ на судъ, и Соломонъ потребовалъ отъ ворона болѣе вѣскихъ основаній для обвиненія соловья. Обвиняемый между тѣмъ доказалъ лже-свидѣтельство, поочередно характеризуя каждую птицу съ очень худой стороны. Окончательному оправданію его способствовали лишь двѣ птицы — ласточка и горленка, давшія самыя лестныя показанія въ пользу соловья, такъ что когда онѣ стали на его сторону, Соломонъ, оправдавъ соловья, осудилъ ворона на яденіе падали. Въ другомъ того же рода турецкомъ сочиненіи *Бульбулуйѣ* нѣкоего Бирри-эфенди (начала XVII вѣка), въ рукописномъ сборникѣ Ученнаго Отдѣленія М-ва Иностраннхъ Дѣлъ, № 412, также изображается судебное состязаніе птицъ въ присутствіи Соломона. Дѣло началось сходно съ предыдущимъ. Соловей (представитель суфизма), влюбленный въ розу, удалился и въ уединеніи сладко пѣлъ. Врагъ его воронъ, посоветовавшись съ попугаемъ (самымъ ученымъ) и соколомъ (птичьимъ губернаторомъ), привлекъ соловья къ отвѣтственности передъ Соломономъ. Когда обвиняемый явился на судъ, птицы набросились на него, но были призваны къ порядку; тѣмъ не менѣе онѣ выставляли его гордецомъ, пьяницею, разгульнымъ кутилой. Но отъ нихъ потребовали болѣе основательныхъ мотивовъ для обвиненія. Въ виду сбивчивости показаній обвинителей рѣшено было

¹⁾ *Бульбуль-наме* въ турецкомъ подлинникѣ напечатано въ Казани въ 18.. году.

пригласить на судъ куфа (сову), который оказался также представителемъ суфизма и который напалъ на попугая, поддерживаемаго другими птицами. При этомъ обнаружались качества птицъ: соколы представляются какъ кровопийца, ястребы — хищный мясоеды, орлы злодѣи, пожирающіе падаль, аисты безвредный дураки, куропатка завистникъ, воробей лукавый, плутъ, который воруетъ овесъ, но зато попадаетъ и въ сѣть, и т. д. Соловей въ концѣ концовъ произнесъ пламенную рѣчь (въ защиту дервишизма), рѣшительно подѣйствовавшую на Соломона, и былъ освобожденъ отъ наказанія. Главные истцы: воронъ, ворона, коршунъ и сорока, опасаясь долгаго возмездія, бѣжали, а остальныхъ птицъ чауши разогнали по домамъ.

Съ востока, со временъ крестовыхъ походовъ, птичья литература проникла во Францію, гдѣ нашла себѣ выраженіе въ памятникахъ XII и слѣдующихъ вѣковъ. Въ фавль о Флорансѣ и Эглантинѣ (иначе *Le jugement d'Amour*) птицы-бароны засѣдаютъ въ совѣтѣ бога любви (Амура) и присутствуютъ при спорѣ Флорансы, идеалъ которой красавецъ рыцарь, и Эглантины, предпочитающей молодаго клерика. За рыцаремъ заступаетъ попугай, за клериковъ ястребъ, соколъ, жаворонокъ и особенно соловей; въ результатѣ состязанія наиболее достойнымъ обожателемъ объявленъ клерикъ¹⁾. Въ XIII вѣкѣ въ птичьихъ разговорахъ также обнаруживается элементъ любви: достаточно по этому поводу отмѣтить *Le bestiaire d'amour* и *Li consaus d'amors* Ришара де Фурниваля²⁾.

Въ нѣмецкой (латинской) литературѣ XVI столѣтія птичья аллегорія усвоена была виттенбергскимъ поэтомъ Иоганномъ Маіеромъ (Meier, † 1600). Въ поэмѣ *Hortus Libani* послѣдній вывелъ современныхъ ему богослововъ подъ видомъ птицъ. Въ другомъ своемъ стихѣ *Synodus avium* (1557 г.), посвященномъ вопросу о

¹⁾ *Fabliaux ou contes, fables et romans du XII et XIII siècle. extr. par Legrand d'Aussy. Paris 1829, I. 306—314; ср. «Исторія французской литературы, по Demogeot и др.» Спб. 1887. I. 144.*

²⁾ Первый изданъ С. Hippreau (Paris 1860); ср. р. XLI. О птицахъ на «Звонящемъ островѣ» (*isle sonnante*) въ сатирическомъ смыслѣ см. *Fr. Rabelais. Oeuvres. Paris 1841 p. 462 sq.*

состязаніи филиппистовъ (партіи Меланхтона) и флакіановъ (партіи Франковиція), онъ вывелъ современниковъ въ слѣдующемъ рядѣ птицъ: воронъ, галка, голубъ (еп. Вергерій), черный дроздъ (Ник. Амдорфъ), жаворонокъ (Юг. Матезій), *fringilla* (Юах. Камерарій), крапивникъ (Дав. Хитрей), кукушка (Фл. Франковицій), *cugusa* (Густъ Меній или Виттенбергская Академія), лебедь (Март. Лютеръ), лысуха, пегоръ (Юах. Морлинъ), пѣтухъ (Ник. Галль), соловей (Фил. Меланхтонъ), сорока (Викт. Штригель или Юг. Златоковачъ), сычъ, фениксъ (Георгъ Фабрицій), филинъ, щегленокъ, ястребъ, и т. д. Какъ извѣстно, по смерти Лютера (*cugnus*, 1546) главнаго вожака реформаціи не стало. Между самими протестантами начинался расколъ. Въ 1557 г. къ Меланхтону приходило два посольства съ цѣлю объединенія всѣхъ партій, но согласія не послѣдовало. Однѣ птицы желали имѣть во главѣ релігіознаго движенія *susulum* (Флакія), другія *gallum* (Галла), третьи *merulam* (Амдорфа), но лучшія, по мнѣнію *Maior*'а, стояли за *philomela* (Меланхтона) ¹⁾. Сочиненія Юганна *Maior* внесены въ *index librorum prohibitorum*.

Въ чешской литературѣ XIV столѣтія птичья аллегорія, подъ перомъ Яна Смиля Фляшки изъ Пардубицъ, приурочена была ко двору Вацлава IV. Въ своемъ Новомъ Совѣтѣ (*Nová Rada*, 1394—1395 = *Thegiobulia*, Краковъ 1521 и пр.) Смиль представляетъ царя льва и совѣтъ его, состоящій изъ князей и пановъ. „Совѣты звѣрей состоятъ главнымъ образомъ въ общей благочестивой морали“, но на ту же тему бесѣдуютъ и птицы: воробей, голубъ, горлица, гусь, лебедь, лунь, ногъ, орелъ, павлинъ, попугай, соколъ, соловей, тетеревъ, и пр.; напр. орелъ „проповѣдуетъ о страхѣ Божіемъ съ примѣрами изъ св. писанія, а лебедь заканчиваетъ совѣтъ

¹⁾ *B. G. Struvius. Acta litteraria ex mss eruta. Ienae 1706, IV. 17—34* съ примѣчаніями Веллера. Слѣдуетъ отличать нашего *Maior*'а отъ Георга *Maior* († 1574), также боровшагося съ Амдорфомъ. Въ исторіи реформаціи этотъ вопросъ почти обходится молчаніемъ; вотъ однако специальное сочиненіе: *Acta Philippica sive theologorum saxonicorum et legatorum megapolensium frustra tentata pacificatio inter Ph. Melancthonem et Matthiam Flacium Illyricum...a Joh. Basmeistero. Tubingae 1719.*

проповѣдью о страшномъ судѣ; но общая мораль примѣняется иногда ближайшимъ образомъ къ чешскому быту; авторъ въ своей аллегоріи даетъ королю смѣлые и благоразумные совѣты, которые выгодно свидѣтельствуютъ объ общественномъ характерѣ писателя-пана¹⁾.

Кромѣ басни, комедіи и сатиры, птицы наравнѣ со звѣрями появляются еще въ греческомъ памятникѣ „Физиологъ“, родиной котораго была Александрія, а время составленія II—III вѣкъ по Р. Хр. Сюда вошли слѣдующія птицы: аистъ, воронъ, ночный вранъ, выпь, голубь, горлица, дятель, ибисъ, коршунъ, ласточка, орелъ, павлинъ, пеликанъ, рябь (куропатка), страусъ, фениксъ, харадръ, цапля и др.²⁾ Здѣсь характеръ сказаній о птицахъ естественно-исторической. Благодаря своей толковательной части, физиологъ въ греко-римской средневѣковой литературѣ получилъ громадное распространеніе и оказалъ весьма замѣтное вліяніе на другіе византійскіе памятники, напр. на Толковую Палею, на сочиненія извѣстнѣйшихъ отцовъ церкви (Василія Великаго, Григорія Богослова), но былъ весьма мало распространенъ въ древне-русской литературѣ (до XVI вѣка),—наибольшую популярность пользовалась у насъ толковая Палея, какъ памятникъ церковной (хотя и отреченной) письменности. Въ Палею вошли слѣдующія птицы: алконостъ, воронъ, голубь, горлица, гусь, дятель, зегула (гогуля), ласточка, неясны, орелъ, пятакъ, рябь, стерхъ, фениксъ, щуръ и пр.³⁾ Въ свою очередь Палея вмѣстѣ съ святоотеческими свидѣтельствами послужила источникомъ для древне-русскихъ азбуконниковъ, по которымъ предки наши знакомились съ особенностями нѣкоторыхъ птицъ „отъ писанія“. Въ азбуконники вошелъ слѣдующій рядъ птицъ: алконостъ, ласточка, стергъ (неясны), струоокамель, фениксъ, харадръ⁴⁾.

¹⁾ *Právníky staré literatury české*, ed. I. (ebauer. Praha 1876, I; ср. *А. Пылинъ* и *В. Спасовичъ*. Исторія славянскихъ литературъ. Спб. 1881, II, 826.

²⁾ *А. Карповъ*. Матеріалы и замѣтки по литер. исторіи физиолога. Спб. 1890; его же *Der Physiologus* въ *Byzant. Zeitschrift*, Hrsg. von K. Krumbacher, 1894, S. 26 ff.; *Fr. Lauchert*. *Geschichte des Physiologus*. Strassburg 1889, S. 236 ff.

³⁾ Кн. *П. П. Вяземскій*. *Собраніе сочиненій*. Спб. 1893 стр. 32 и сл.

⁴⁾ *А. Карповъ*. *Азбуконники. Алфавиты иностранныхъ рѣчей*. Казань 1877 стр. 277—282.

Физиологъ на французской почвѣ существовалъ уже въ XII столѣтіи: отъ 1125 г. мы имѣемъ Бестиарій Филиппа de Thaun. въ которомъ идутъ разсужденія о животныхъ, птицахъ и драгоценныхъ камняхъ¹⁾. Въ польской литературѣ онъ извѣстенъ лишь съ 1534 года: въ этомъ году появилось сочиненіе Ст. Фалимира *O ziolach y o moczy gich; o paleniuw odek z zioł; o oleukach przuyprawianiu; o gzechach zamorskich; o zwierzetach, o ptaszcech y o rybach, o kameniu drogim*²⁾. Образы и картины физиологическаго характера примѣнительно къ разнымъ классамъ и состояніямъ общества существовали на западѣ также съ давняго времени. Такъ въ отношеніи къ церкви примѣнялась голубица (Пѣснь Пѣсн. VI. 8), къ предстоятелямъ церкви—Ноевъ голубь (Быт. VIII. 11) и бдительность пѣтуха (Иовъ XXXIX. 1), къ слушателямъ юность орла (Псал. CIII. 5) и пріятность соловья, къ подданнымъ шея воробья (Левит. V. 8), къ матери ласточка, къ супругамъ алкіонъ (alcedo) и голубь, къ родителямъ орелъ (Второз. XXXII. 11), къ худымъ родителямъ аистъ, къ учителямъ бурица, къ дурнымъ учителямъ гусь, къ лѣнивому ученику попугай, къ господамъ орелъ, къ рабамъ журавль, ко вдовамъ ястребъ, голубь и сорока, къ старикамъ пѣніе лебеда, къ тираннамъ и безбожнымъ начальникамъ коршунъ, орелъ и грифъ, къ бунтовщикамъ аистъ, къ совѣтникамъ ястребъ, къ полководцамъ пѣтухъ и т. д.³⁾ Въ польской литературѣ представителемъ подобнаго рода памятниковъ былъ писатель XVI вѣка М. Рей, у котораго физиологическая окраска выразилась

1) *M. Fr. Mann. Der Physiologus des Philipp von Thaun. Halle 1884.*

2) Полное заглавіе у *Th. Wierzbowski. Polonica XV ac XVI ss. Varsovia: 1889, I. 19.*

3) *I. Herrenschmidt. Multiplici rheticus sub imagine Ianus sive strenographia rhetica. Norimbergae 1625 p. 5 sq.* Птичья литература въ греческой и римской пословицъ собрана *C. S. Köhler. Das Thierleben im Sprichwort der Griechen und Römer. Leipzig 1881.* См. также *O. Keller. Thiere des class. Alterthums. Innsbruck 1887.* Объ аллегорическомъ значеніи птицъ: *I. V. Carus. Geschichte der Zoologie. München 1872, S. 130 ff.;* Лаухертъ о. с.; *Le bestiaire. das Thierbuch des normannischen Dichters Guillaume Le Clerc, hrsg. von R. Reinsch. Leipzig 1890, S. 192 ff.* Указаніемъ на эти сочиненія мы обязаны И. М. Волдакову, которому приносимъ глубокую благодарность.

въ стихотвореніяхъ на тему, какъ люди представляли себѣ извѣстныя понятія и картины изъ прошлаго времени, jako starych wieków przypadki świeckie ludzie sobie malowali. Такъ льстеца изображали въ образѣ ворона, схватившаго хомяка; мученье безъ вины представлялось въ видѣ ворона, преслѣдующаго голубя и понавшаго въ руки холопа; недоувѣріе къ злomu—въ видѣ голубей, избѣгающихъ коршуна и ястреба; страхъ передъ смертью въ образѣ поющаго лебедя, безопасность въ жизни въ видѣ журавля, лакомку въ видѣ аиста или бусела (bosian), лгуна и дурака въ образѣ сойки; къ тѣмъ, кто закладывалъ свою свободу, примѣнялась сцена съ соколомъ; надменный дуракъ изображался въ видѣ павлина, непостоянство въ видѣ ласточки, терпѣливость въ образѣ голубя, осторожность въ видѣ орла, трудъ въ видѣ скворца, летающаго по полю, и т. д. ¹⁾). Этого рода литература, какъ кажется, нашла себѣ выраженіе и на русскихъ старыхъ изразцевыхъ печатяхъ, испещренныхъ подобными картинками съ текстомъ.

Итакъ съ одной стороны птицы басни перешли въ комедію и сатиру, а съ другой онѣ изъ библіи, фізіолога и изъ сочиненій отцовъ церкви перешли въ толковую палею и азбуковники и появились на западѣ и въ Польшѣ въ литературѣ общественно-бытовыхъ картинокъ. Нѣчто подобное мы можемъ теперь сказать и въ отношеніи литературы старо-русской, въ которой замѣчается тоже направленіе.

I. Аналогію къ чешской Rada мы имѣемъ въ „Совѣтъ птичьемъ“, дошедшемъ въ двухъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ прошлаго столѣтія—въ сборникѣ Имп. Публ. Библ. (О. XVII. 17), указаніемъ и копіей съ котораго мы обязаны Л. Н. Майкову (для краткости П¹⁾), и въ сборникѣ, принадлежащемъ крестьянину с. Самарова (Тобольской губерніи) Федору Кузнецову, списокъ съ котораго мы вывели въ поѣздку прошлаго года (для краткости С). Вторая рукопись датирована 1758-мъ годомъ: „1758 году октя-

¹⁾ *Mik. Rej. Zwierzinnic w ktorym rozmaitech stanow ludzi, żwirzath y ptakow kształty, przypadki y obyczaje sa własnie wypisane...* 1562 года, wyd. W. Bruchnalski, Kraków 1895 p. 214 s.

бря 3 дня сия книга Самаровскаго яму янъщика Івана Шаламова, писалъ своеручно". Шаламовъ, попомки котораго живутъ въ Самаровѣ и въ настоящее время, былъ человекъ богатый и имѣлъ значительныя торговныя связи съ разными мѣстностями. Въ этихъ рукописяхъ содержаніе „Совѣта“ не отличается ни полною тождественностью, ни сохраненіемъ одного и того же порядка въ перечнѣ птицъ: въ П¹ 39 птицъ, въ С—35; для лебедя, филина, луна, дрозда и ветвина въ П¹, нѣтъ соотвѣтствія въ С; съ другой стороны, для курицы и курошкки въ С, нѣтъ соотвѣтствія въ П¹. И если мы положимъ въ основу П¹ и соотвѣтственно съ нимъ расположимъ содержаніе С, то получимъ пять недочетовъ въ С и два въ П¹. Недочеты эти, конечно, случайнаго свойства ¹⁾ и объясняются тѣмъ, что сказаніе это, прежде чѣмъ оно было записано, долго жило въ устахъ народа, подвергаясь и дополненіямъ и случайнымъ сокращеніямъ въ виду самаго свойства изложенія, въ которомъ не замѣчается связи между разсужденіями отдѣльныхъ птицъ: различныя преданія естественно могли дать и иной порядокъ сказанія, причемъ утрата тѣхъ или другихъ звеньевъ изъ ихъ состава становилась легко возможною.

Критеріемъ для возстановленія текста нѣкоторыхъ частей „Совѣта“ является, помимо сличенія двухъ списковъ, та характерная особенность, что птицы въ этомъ сказаніи начинаютъ свои разсужденія со словъ, отчасти сходныхъ въ звуковомъ отношеніи съ ихъ именами или, по крайней мѣрѣ, начинающихся съ той же буквы, какъ данная птица. Напр., *орелъ* первымъ словомъ произносить: *о горе*, птица *нагой* — *наги*, *кречетъ* — *крепко* и т. д. Однако, въ нѣкоторыхъ сентенціяхъ этого приблизительнаго сходства не замѣчается, почему мы имѣемъ право видѣть тутъ испорченность текста. Напр., *соколъ* по одному списку говоритъ *согрешилъ*, по другому — *крепко согрешитъ*: очевидно, первый правильнѣе втораго; *журавль* говоритъ: *рады мы* (П¹) и *жадны мы* (С), — правильнѣе второй текстъ; равнымъ образомъ, *рябъ* говоритъ: *че-*

¹⁾ По всей вѣроятности, сентенція курицы въ П¹ соединена съ сентенціею желны по недосмотру писца.

ловтъкъ (П¹) и *радъ бы* (С),—очевидно, второе чтеніе болѣе правильно.

Содержаніе „Совѣта“ распадается на двѣ главныя части— на обязанности птицъ (то-есть людей) въ отношеніи къ Богу и на случаи обыденной, бытовой жизни. Въ первому разряду относятся: три сентенціи о покаяніи (1, 2, 6), три о богоугодныхъ трудахъ (3, 4, 5), три о волѣ Божіей (10, 16, 20), двѣ о невольномъ грѣхѣ (7, 38), о избѣганіи зла (12), о исполненіи помысленій (19), двѣ о забвеніи Бога (9, 11)¹ и двѣ о смертномъ часѣ (14, 15). Второй разрядъ болѣе разнообразенъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ рассужденія: о воровствѣ (13) и неплатежѣ долговъ (22), о недовѣріи (17), лѣности (18, 21), пьянствѣ (24), о глупости и разумѣ (8, ср. 24 С), семь-восемь мыслей о женахъ добрыхъ и злыхъ (27—33), четыре сентенціи о противоположности добраго стараго времени нынѣшнему (23, 25, 26, 39), двѣ о запасливости (36, 37) и двѣ съ картинками изъ боярской жизни (34, 35).

Если Животный Совѣтъ во всемірной литературѣ, какъ видно изъ вышесказаннаго, есть извѣстнаго рода приѣмъ для дидактическаго изображенія характерныхъ особенностей, богословской или религіозной борьбы партій того или другаго народа въ данную пору, то позволительно думать, что и на русской почвѣ этотъ Совѣтъ есть литературный отголосокъ какого-то прошлаго, бытоваго или религіознаго движенія русскаго народа. Зная о связи его съ восточными и славянскими аналогіями, мы вправѣ допустить, что памятникъ этотъ дошелъ, безъ начала, или, вѣрнѣе, безъ той вступительной части, въ которой должно было сообщаться о предсѣдателѣ совѣта и о поводѣ собранія птицъ. Эта часть потеряна, повидимому, въ давнее время, и птицы въ „Совѣтѣ“ уже только бесѣдуютъ между собою, даютъ совѣты другъ другу, а не предсѣдателю.

Что касается до основныхъ источниковъ „Совѣта“, то мы должны напередъ оговориться, что нашли далеко не всѣ ихъ;

¹) Рассужденіе соловья можно, пожалуй, отнести и ко второму разряду, къ женскому вопросу.

трудность ихъ отысканія зависить, по всей вѣроятности, отъ компилятивнаго характера сказанія: возможно, что для каждой отдѣльной сентенціи первоисточники взяты изъ разнообразной свѣтской литературы, изъ пословицъ и поговорокъ, нынѣ уже совсѣмъ неизвѣстныхъ, изъ сказокъ, быть можетъ, изъ пѣсенъ и т. д., но для нѣкоторыхъ можно подыскать источники письменные, книжные. Такъ, напр., орелъ въ „Совѣтъ“ высказываетъ слѣдующую сентенцію: „О, горе намъ, братія! много мы согрѣшаемъ, а мало каемся, и за то нынѣ всего у насъ Богъ умалилъ, а сверхъ того за грѣхи будетъ мука вечная“. Въ чешской Rada орелъ говоритъ предсѣдателю собранія (р. 47): *aby v tvém srdci nemuálně měl vždy na paměti boha, kterýmž může věčný život dáti, také do pekla poslati*. Почему именно орелъ, а не какая-либо другая птица, говоритъ о необходимости покаянія? Отвѣтъ на это слѣдуетъ изъ того, что первоисточникомъ, посредственнымъ источникомъ для этой сентенціи является Физиологъ: „орелъ (ἀ-ετός) нарицается ради многолѣтствія своего...; и ти убо, мысленный челоуѣче, егда многая съгрѣшиши, възди на высоту сирѣчь прииди в совѣсть свою“¹⁾. Какъ Физиологъ совѣтуетъ челоуѣку согрѣшившему покаянію, такъ и „Совѣтъ птичій“ приводитъ къ тому же. Но въ виду того, что сходство въ обонхъ памятникахъ не буквальное, слѣдуетъ полагать, что непосредственнымъ источникомъ „Совѣта“ является въ данномъ случаѣ не Физиологъ собственно, а памятники, переработавшіе основанное на немъ преданіе. Замѣтимъ здѣсь, что по одному тексту читается: „и за то нынѣ *всею* у насъ Богъ умалилъ“, по другому: „і за то нынѣ у насъ Богъ умалилъ“: полагаемъ, что здѣсь слово *всею* ошибочно, такъ какъ въ виду текстовъ Физиолога здѣсь по смыслу должно стоять *отку* или *дни*²⁾: орелъ живетъ до 100 лѣтъ, но такъ

¹⁾ А. Карпеевъ, 196, XXIII; Byzant. Zeitsch. 1894, S. 39; *Lauchert*, 236—7: βάπτισαι τρίς ἐν τῇ ἀεναίῃ πτηνῇ τῆς μετανοίας. Съ понятіемъ объ орлѣ соединяется мысль объ очищеніи отъ грѣховъ (Іовъ IX. 30); по сербскому Физиологу (Starine, XI), возрастъ орла знаменуетъ грѣхи.

²⁾ Въ Притчѣ объ Акирѣ: «да не умалится число дней твоихъ» (Пам. стар. русск. литер., I. 360).

какъ, говоря словами притчи объ Акирѣ Премудромъ, „птица царь орѣлъ и зло затворилъ“¹⁾, много согрѣшилъ, то поэтому Богъ умалилъ *число лѣтъ его жизни*; онъ осужденъ на вѣчную муку и сознаетъ необходимость покаянія. Затѣмъ воронъ говоритъ: „Воры врадуть, (замки) ломають, животъ чужей уносятъ, да мало имъ удачи бываетъ: какъ ихъ поймають, такъ бьютъ и увѣчатъ, въ приказъ отводятъ, о томъ ихъ рвутъ²⁾ и пытаются и въ розыскахъ жгутъ и мучатъ“. Почему именно ворону приписана мысль о ворахъ или разбойникахъ? Отвѣтъ слѣдуетъ изъ Физиолога о воронѣ: „аще муское слово не воздремлетъ ни уснетъ..., к тому ни видуть разбойници в разумное твое сердце“³⁾: опять мы видимъ, что сентенція „Совѣта“ косвенно произошла изъ Физиолога. Вотъ еще одинъ примѣръ. Дятель разсуждаетъ: „Дати взаимы, такъ не платить, а не дати, — то хотятъ силою отпяти: лутче отлетѣть и чюжа сторона спознать“. Въ основѣ этой мысли о переходѣ отъ недоступнаго къ иному предмету, могущему быть доступнымъ, лежитъ опять легенда Физиолога о дятлѣ: „аще убо человекъ немощень и безсердечень есть, то (дьяволь) входитъ вонъ въгнѣздися ту; аще же всердечень есть и цѣль будетъ, скоро убѣгаетъ и ко другимъ възвращается“⁴⁾. Что касается до самой сентенціи, то она съ успѣхомъ можетъ быть объяснена изъ другихъ однородныхъ памятниковъ — рафлей и „Сказанія о молодцѣ и о дѣвицѣ“: „аще на комъ долгъ взяти, и ты возмешь, то ко хлопотно“⁵⁾; „здѣся жить не почто... (лутче) познать чюжа сторона“⁶⁾. Изъ приведенныхъ выписокъ можно заключить, что „Совѣтъ птичій“ есть своего рода Физиологъ, но только безъ его существенной части — характеристики птицы; правоученіе птицы

¹⁾ Тамъ же, I. 360.

²⁾ Терминъ *рвуть* (мучать) пѣсеннаго происхожденія: «знаю время сколь способно страсти силу перервать; чрезъ то буду я способна и себя не стану рвать» (рук. Тверск. музея, № 7157—5157, п^о 98).

³⁾ А. Кариневъ, 316.

⁴⁾ А. Кариневъ, IX, XXXII.

⁵⁾ Пам. стар. русск. лит., III. 165.

⁶⁾ Пам. Др. Письм., XCIX. 20.

напоминающее мораль Физиолога, замѣняется здѣсь иногда бытовыми картинками. Что „Совѣтъ“ написанъ подѣ влияніемъ не самаго Физиолога, а другихъ, зависящихъ отъ него памятниковъ, доказывается еще и тѣмъ соображеніемъ, что въ Физиологѣ есть нѣсколько и другихъ птицъ, общихъ съ „Совѣтомъ“ (рябь, куропатка, коршунъ), но онѣ имѣютъ мораль совсѣмъ отличную отъ морали нашего памятника.

При разборѣ сентенцій другихъ птицъ приходится обращаться къ инымъ источникамъ. Такъ, съ понятіемъ о сказочной и пѣсенно-былинной птицѣ нагой¹⁾ связано представленіе о птицѣ и одеждѣ: „Нагой рече: Наги мы, братие, родились; всего намъ Богъ далъ — пищу и одежду; тако написано“, и пр. Понятіе это извлечено изъ Толковой Псалтири и зависимаго отъ нея Изборника XIII вѣка. Разумѣемъ рассказъ о пророкѣ Даніилѣ, несшемъ хлѣбъ и похищенномъ ногомъ. „То же не гриппъ восхити его, рекше ногъ, но свыше посланная сила Божія, да и пророчу бѣду и мѣсто видить и душу его тщу и алчущу брашна насытитъ, пославъ ему до обилія“²⁾.

Соловей не только вслѣдствіе нѣкотораго созвучія съ именемъ царя Соломона, но и въ силу необходимости въ этомъ имени, связующемъ Совѣтъ съ другими литературами, рассуждаетъ на тему о совращеніи Соломона въ идолопоклонство и объ отступленіи отъ него Бога. Путемъ Физиолога намъ не объяснить этой сентенціи, ибо въ немъ нѣтъ и самаго названія этой птицы; напротивъ, мысль раскрывается изъ апокрифическихъ памятниковъ и отцовъ церкви. Въ одномъ словѣ о злыхъ женахъ читаемъ: „Соломонъ... жены послушавъ отступль отъ Бога жены жъ ради, і сей бысть шедъ въ церковь идольскую поклонися идоломъ и покади я на старость разгнѣвавъ Бога... О томъ убо свидѣтельствуя пророкъ Малахѣи и Офонасей отецъ, іже истолкова псалтырь, и Даниль преподобный, Антіохъ, великій книжникъ, ижъ Пандокъ составилъ, и Памфосъ отецъ святыи и

¹⁾ Нагой, по другому варианту наговъ, обыкновенно нагуй и пр. См. о немъ наше «Слово о нѣкоемъ старцѣ». Спб. 1890, стр. 16, и еще Посланіе Климента Смолятича къ Оомѣ, изд. 133 Н, 30 Л.

²⁾ Климентъ 133 Н, 30 Л = Изборникъ XIII в. (133 Н).

Тимофей (иже?) упрѣлъ Агулу жидовина и крестилъ, и ини ся мнози свидѣтельствуютъ о Соломоне, яко отступле отъ Бога, погибе люте женою прелщень¹⁾.

Куропатка высказываетъ слѣдующее сужденіе: „второй человекъ худой добро знаетъ, и добрыхъ людей научаетъ; а дивныхъ не сеютъ, не орютъ, сами родятца“. Сентенція эта основывается на очень древней пословицѣ.

Съ понятіемъ о журавлѣ въ „Совѣтѣ“ связывается мысль о теплѣ: „жадни мы, братие, теплому лѣту и теплымъ днямъ; даль бы намъ Богъ два лѣта безъ зимы!“ Замѣтимъ здѣсь выраженіе: „жадни мы теплому лѣту“: въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ въ томъ же значеніи употреблено выраженіе: „жадни веселія“²⁾. Источникомъ этой сентенціи были, какъ кажется, пословицы: „И журавль тепла ищетъ“, „одна у журавля дорога—на теплыя воды“, „журавль прилетѣлъ и теплынь принесъ“, „стало тепло, такъ и журака прилетѣлъ, а онъ говоритъ: я принесъ“³⁾. Впрочемъ, трудно сказать, зависитъ ли мораль „Совѣта“ отъ пословицъ, или, наоборотъ, о литературной зависимости не можетъ быть рѣчи, разъ мы допустимъ, что сентенція одинакова по древности съ приведенными поговорками.

Синица и сова высказываютъ довольно курьезныя вещи: „Съ сеной княжна боярская (?), упала, заголя гузно лежала и всехъ насъ смехомъ насмешила. Совалися бояра, что боярина съ сеной упала, оголя гозно лежала“. Почему именно къ синицѣ и совѣ принаровлены эти скабрзныя картинки? Отвѣтъ слѣдуетъ прямой: потому, что обѣ эти птицы, по народному представленію, являются аллегоріею распутныхъ женщинъ. Синица, синька, прямо называется б. . . .⁴⁾; совой называется корчемная, то-есть тоже непотребная женщина. Текстъ обѣихъ рукописей испорченъ, съ успѣхомъ исправляется онъ и объясняется изъ народныхъ лубочныхъ картинокъ

¹⁾ Рукоп. изъ моего собранія, XVII в., л. 184; ср. Пам. стар. русск. лит. III, 70; II, 466; *И. Порфирьевъ*. Апокриф. сказанія о ветхозав. лицахъ, стр. 241.

²⁾ *Тихонр.* 2, 7.

³⁾ *Даль*.

⁴⁾ Пам. Др. Письм. 1878—1879, стр. 93; у насъ 16, 19; ср. *Ровинскій*, IV, 238.

XVIII вѣка. Здѣсь мы имѣемъ новый текстъ къ недошедшему до насъ забавному листу, содержаніе котораго по извѣстнымъ двумъ вариантамъ составляетъ „Пошѣха въ любви“. Нѣкій человекъ склонилъ одну госпожу къ своей волѣ и „с почтеніемъ на стулъ ее посадил, где і начелъ было дело ісправляти, себя і ее забавляти. Ажно внезапно пришелъ человекъ под окно: і увидя такое дело в окно, вдрукъ в окно крепко застучалъ, к тому жъ громко закричалъ. Чево онъ іспугавшись стулъ отпихнулъ: і тако барыню с стула столкнулъ, которая на полъ упала і подыавши кверху ноги стала, чему онъ не мало дивился“¹⁾. Текстъ къ иной картинкѣ слѣдующій: „видя эдакую драку лутче лежать оголя с...у; жаль одну только бѣдняжку, что лежитъ огля ляшку“²⁾. По забавному народному листу XVIII вѣка, господинъ усаживаетъ барыню на стулъ; любопытный пугаетъ влюбленныхъ, стулъ валится и парочка оказывается въ различныхъ позахъ. Здѣсь боярыня находилась въ сѣняхъ³⁾; въ моментъ потѣхи парочка была испугана цѣлою компанією бояръ, которые затѣвъ совались въ окна поглядѣть, какъ боярыня упала и лежала оголя гузно, и смѣялись надъ своею проказою.

Мысли по женскому вопросу составлены подъ вліяніемъ Пчелы, Даніила Заточника, пословиць и другихъ источниковъ. Такъ, сентенція иволги и пѣтуха: „не надобно и доброй жене верить и тайныя сказывать“ и „пелай тотъ мужъ самъ на себя, которой дастъ жене своей наперво волю и свою ей скажетъ правду“ стоятъ въ зависимости отъ слѣдующихъ мыслей: „женѣ злѣ ничего тайны не повѣждь“⁴⁾, „во всемъ житии (три) раскаянья суть: первое, оже кто женѣ своей тайну (свою) исповѣсть“⁵⁾, „лучши есть во утлѣ ладѣ по водѣ ѣздити, нежелѣ злѣ женѣ тайны повѣдати“⁶⁾. Разсужденіе желны „жена мужу Богомъ покорена“ напоминаетъ притчу

¹⁾ Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки, I. 357.

²⁾ Д. Ровинскій, IV. 239.

³⁾ Непонятно, какъ это сѣни или съ сѣней упала боярыня.

⁴⁾ Моей рукоп. XVII в., л. 219.

⁵⁾ В. Семеновъ. Пчела. Спб. 1893, стр. 234 (ἐπί τῷ γυναικί μεταβασι λόγον ἀπόρητον).

⁶⁾ Даніилъ Заточникъ, изд. Калайдовича, стр. 238.

о женской злобѣ, въ которой Богъ говоритъ Евѣ: „отнынѣ буди ты покоренна мужу своему во всемъ“¹⁾. Къ другой сентенціи иволги вполне подходит современная поговорка „худо мужу тому, у котораго жена большая въ дому“²⁾, а къ разсужденію пѣтуха слово Іоанна Златоустаго о злыхъ женахъ: „жена зла і лѣнива і пронырлива дасться мужу за грѣхи“, „язычна жена и ленива за грѣхи мужу дасться“³⁾.

Мы далѣе не идемъ въ отысканіи источниковъ „Совѣта“: это дѣло будущихъ изслѣдователей издаваемого памятника, а обратимся ко второму сказанію о птицахъ.

II. Сочиненіе это извѣстно пока въ четырехъ рукописяхъ (двѣ сообщены намъ Л. Н. Майковымъ): Археографической Коммиссіи (А), № 53⁴⁾, Имп. Публ. Библ. (П²) О. XVII. 55, Имп. Общ. Люб. Др. Письм. (О), Q. XVIII, изданной въ „Памятникахъ Древней Письменности“ (1878—1879, стр. 92—94) и собранія П. И. Щукина (Щ), изд. А. Яцимирскимъ въ „Описи стар. славянск. и русск. рукоп. П. Щукина“. М. 1896, стр. 55. П² не имѣетъ ни начала, ни конца; заглавія въ трехъ другихъ спискахъ, нѣсколько отличающіяся другъ отъ друга, говорятъ намъ, что этотъ памятникъ есть „Слово“ или „Сказаніе“, хотя ни съ внѣшней, ни даже съ внутренней стороны онъ не отличается чѣмъ-либо совершенно особымъ отъ разсмотрѣннаго „Совѣта“. Уже изъ одного этого заглавія видно, что А написано на южно-великороссійскомъ нарѣчій, близкомъ къ малорусскому и западно-русскому, тогда какъ О (подобно П² и Щ) написанъ на коренномъ русскомъ языкѣ. Въ А есть нѣсколько западнорусскихъ названій птицъ, не находящихся ни въ П², ни въ О (зозуля, трипутень, сорокопудъ, бусель и пр.), и наоборотъ: ясное свидѣтельство того, что „Слово о птицахъ“ было одинаково распространено въ разныхъ частяхъ Россіи и въ

¹⁾ Пам. стар. русск. лит. II. 462.

²⁾ Далъ, 394.

³⁾ Моей рукоп. XVII в., л. 215 об., 216 об.

⁴⁾ Н. Барсуковъ. Рукописи Археографической коммиссіи. Спб. 1882, стр. 39—41.

каждой мѣстности принимало свой особый характеръ и отпечатокъ. Неудивительно послѣ этого, что всѣ четыре списка значительно разнятся между собою и по объему, и по расположенію сентенцій, и, главное, очень часто по мыслямъ, вложеннымъ въ уста той или другой птицы. Такъ, въ А 78 птицъ, въ неполномъ П²—34, въ О—30. Такъ, дятель говоритъ по А одно, по П² другое, по О третье; ворона говоритъ по А одно, по П² другое; дроздъ говоритъ по А одно, по О другое.

Столь большая разность въ рукописномъ преданіи четырехъ списковъ „Слова“ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о фактѣ когда-то большой распространенности памятника, имѣющаго известную связь съ „Совѣтомъ“. Мы не говоримъ уже о внѣшней формѣ обоихъ сочиненій: оба они написаны по одному шаблону и много имѣютъ общаго въ своемъ содержаніи. Такъ, значительная часть „Совѣта“ посвящена вопросу о женахъ; но этотъ же вопросъ отчасти затрагивается и въ „Словѣ“. Равнымъ образомъ и такіе вопросы, какъ о крестной смерти Христа, о грѣхахъ, о будущемъ судѣ и о покаяніи, разбросанные въ Совѣтѣ и Словѣ, роднятъ между собою эти сказанія. Что же касается до бытовыхъ картинъ и отдѣльныхъ птичьихъ характеристикъ, то тутъ, конечно, нельзя требовать однообразія: въ Совѣтѣ боярыни блудятъ, пойманные воры допрашиваются въ приказахъ, гдѣ ихъ рвутъ и мучаютъ, — это, такъ сказать, особенности великорусскія; въ Словѣ являются немилостивые паны, въ полномъ подчиненіи, въ пеклѣ которыхъ находятся птицы, желающія отъ нихъ выкупиться, — это особенности западнорусскія.

Разсматривая сказаніе о птицахъ въ его цѣломъ, мы наталкиваемся на рядъ птичьихъ сентенцій, которыя кажутся предосудительными въ наше время, тѣмъ болѣе онѣ были предосудительны прежде. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Лебедь говоритъ: „Богъ нашъ на небесѣхъ опочиваетъ“, по другой редакціи: „великъ у насъ Богъ на небеси, а не на земли“; цапля говоритъ: „що вы безумныи говорите, ижъ Богъ нашъ на самомъ небѣ опочиваетъ, а я и сегодня была у Бога“; чайка говоритъ: „у бѣса ти була, а не у Бога“. Подобныя мысли слишкомъ отзываются апокрифическимъ или отречен-

ный характеромъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, не есть ли Слово о птицахъ сочиненіе отреченнаго направленія? Въ немъ есть несомнѣнные слѣды апокрифовъ, проникшихъ въ народное міросозерцаніе и усвоенныхъ въ формѣ преданій и повѣрій. Таково сказаніе объ Іудѣ. По византійской рукописи 1066 г., по Шалтири Барберини XI в. и по *Mystère de la Passion*, Іуду поднялъ на веревкѣ (снуркѣ) на висѣлицу (дерево) чортъ; по южнорусскимъ сказаніямъ, осина при видѣ предателя нагнулась сама собою ¹⁾. Напротивъ, по нашему Сказанію, по мнѣнію сорокопуда, „покинувъ Іуда сребныки и *лтъзъ на дерево* и задавився“; отзвукъ оригинальнаго апокрифа, отличающагося, при отсутствіи всего чудеснаго, наибольшою естественностью. Или, напр., по *Mystère de la Passion*, въ платѣ Іуды спрятана была птица; въ моментъ смерти его птица, иносказательно изображающая душу, улетѣла ²⁾; по миниатюрѣ Британскаго музея, на томъ дубѣ, на которомъ виситъ Іуда, видна птица, кормящая птенцовъ въ гнѣздѣ; по Мюнхенской библии XII — XIII в. и по *Maten Verboch* XII в. къ повѣсившемуся Іудѣ прилетаютъ два ворона (или сидятъ у него на плечѣ) ³⁾. Сентенція нашего коростеля, въ моментъ смерти Іуды сидѣвшаго въ хворостѣ и видѣвшаго Спасителя распятымъ на крестѣ, опять-таки оригинальна и, очевидно, одного и того же происхожденія, что и западно-русскія преданія о ласточкѣ и воробѣ: „якъ жыды Христа распынали, то ластівкы крылы въ ихъ цвяшчы“, а воробьи кричали: „живъ, живъ“, когда Христа мучили ⁴⁾.

„Апокрифическимъ сказаніемъ, говоритъ г. Сперанскій, мы, по настоящему, назовемъ такое, которое упомянуто въ индексѣ и (или?) если мы докажемъ, что это писаніе именно то, которое упоминаетъ индексъ“ ⁵⁾. У насъ на Руси уже съ весьма давняго времени суще-

¹⁾ С. В. Соловьевъ. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ. Харьковъ, 1895, стр. 90, 93, 81, 78.

²⁾ Матеріалъ для отлета души въ видѣ птицъ собранъ въ моемъ «Самаровѣ», Спб. 1896 ²⁾, стр. 18.

³⁾ Соловьевъ, стр. 81, 89, 91, 92.

⁴⁾ Чубинскій, I. 1, стр. 59.

⁵⁾ Труды VIII археологическаго съѣзда. Спб. 1895, II. 39.

ствовавъ списокъ каноническихъ и запретныхъ книгъ, приписываемый Иоанну экзарху Болгарскому, вошедшій въ Кормчую и съ нѣкоторыми измѣненіями повторяемый и въ послѣдующее время, — списокъ до-Зосимовскій, Зосимовскій (XV в.), Книги Кирилловой (XVII—XVIII в.) и т. д. Въ этомъ спискѣ въ числѣ апокрифовъ названъ, между прочимъ, „чаровникъ, въ нихъ же вся 12 опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичійхъ“: 1) тѣло свое хранить мертво, 2) летаетъ орломъ, 3) ястребомъ, 4) ворономъ, 5) дятлемъ, 6) (совою) и шестью звѣрями¹⁾; затѣмъ упоминается „волховникъ, волхвующе птицами и звѣри“, куда вошли: 1) храмина трещить, 2) ухозвонъ, 3) вороноградъ, 4) курокликъ²⁾; далѣе „пѣточникъ (птичникъ) различныхъ птицъ“³⁾ и, наконецъ, присоединены еще: „сорока пощекочетъ, дятель, желна“. „Слово о птицахъ“ не подходитъ ни подъ чаровникъ, ни подъ волховникъ, ни даже подъ отдѣльный инвентаръ — сороки, дятла и желны; стало быть, можно допустить, что оно и есть именно тотъ памятникъ, который въ отреченномъ спискѣ названъ „пѣточникомъ различныхъ птицъ“. И дѣйствительно, „Слово“ представляетъ собраніе различныхъ птичьихъ мыслей, различныхъ птицъ, что вполне совпадаетъ съ опредѣленіемъ указателя о ложныхъ книгахъ. Итакъ, нынѣ отыскался, повидимому, еще одинъ отреченный памятникъ русской литературы, оставшійся неизвѣстнымъ Тихонравову и другимъ ученымъ.

Указатели ложныхъ книгъ карали лицъ, читавшихъ запретныя книги: духовное лицо извергалось изъ сана, свѣтское предавалось проклятію, а самая книга сжигалась. Любопытно, что и нашъ памятникъ тоже послужилъ предметомъ опалы. Въ 1679 г. 15 марта, вѣроятно, по сдѣланному доносу, священникъ Входа-Іерусалимской церкви въ Переяславль Рязанскомъ, Моисей, боярскій сынъ Уразовъ и подъячій духовнаго приказа Тимофей Вонифатьевъ явились въ деревню Лушки, въ домъ Василья Михайловича Колачева и, пересмотрѣвъ всѣ его книги, нашли нѣсколько *непристойныхъ пи-*

¹⁾ *Калайдовичъ*. Иоаннъ экз. Болгарскій. М. 1824, стр. 211; *А. Пыпинъ*, въ *Лѣтоп. занятій Археогр. Комм.*, I, 42 и сл.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

семъ, которыя и отвезли въ Переяславль Рязанскій. Въ числѣ конфискованныхъ книгъ находилась „тетрадь въ десять скорописная: Сказаніе о птицахъ, четыре листа, да канонъ Михаила Маленна, да Преніе жидовина съ крестьяна“¹⁾. Дальнѣйшая судьба дѣла неизвѣстна, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, если Колачевская рукопись была сожжена.

Итакъ, если допустить тожество подточника съ Совѣтомъ и Словомъ о птицахъ, то мы должны полагать, что сказаніе о птицахъ въ такомъ или другомъ видѣ существовало у насъ уже въ глубокой древности. Дѣйствительно, оно, подобно нѣкоторымъ сказкамъ и другимъ памятникамъ народной словесности, сохранило въ себѣ нѣсколько чертъ, по крайней мѣрѣ, XII столѣтія. Сюда относятся прежде всего нѣсколько пословицъ, пережившихъ слѣдующія стадіи въ своемъ развитіи:

а) [Тема: „воззрите на птицы небесныя, яко не съютъ ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы“ (Мате. VI. 26 = Пчела)].

„*безумныхъ* бо ни орютъ, ни съютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рожаютъ“ (XII вѣка: Даниилъ Заточникъ).

„*дикихъ* не сеютъ, не орютъ, сами родятца“ (нашъ Совѣтъ птицій).

„*муныхъ* не орютъ, не сеютъ, сами ся родятъ“ (Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ).

„*дураковъ* ни орутъ, ни съютъ, а сами родятся“ (современная: *Даль* 469).

Въ этой пословицѣ менѣе важно чтеніе *ся родятъ* или *родятся*, хотя наиболѣе древняя форма есть первая; особеннаго же вниманія заслуживаетъ народное переживаніе важнѣйшаго понятія пословицы, отмѣченное здѣсь курсивомъ. Слово *безумныхъ*, равно какъ и *въ житницы собираютъ* — понятія книжныя, свидѣтельствующія, что въ XII вѣкѣ пословица, мірская притча еще не успѣла отрѣшиться отъ книжности своего происхожденія; но какъ скоро она сдѣлалась достояніемъ народа, связь ее съ литературнымъ источникомъ тотчасъ была порвана.

¹⁾ А. И. Пискаревъ. Древнія грамоты и акты Рязанскаго края. СПб. 1854, стр. 30, 31.

б) [Тема: „Всю тварь (τὸ ποίημα) приведетъ Богъ на судъ“ (Соломонъ = Пчела 297)].

„ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути“ (XII вѣкъ: Слово о полку Игоревѣ¹⁾).

„суда де Божія ни хитру уму, ни горазну не минути“ (XII вѣкъ: Даніилъ Заточникъ).

„придется намъ на судъ стояти“; „какъ намъ безумнымъ и грешнымъ явитися предъ Богомъ?“ (наше Сказаніе о птицахъ).

„ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату Суда Божьяго не миновать“ (Современная: *Даль*: судить).

в) [Тема: Притча о сѣятелѣ (Мате. XIII. 4: пріидоша птицы и позобаша я); „подобно ти сѣянью жатва“ (Григорій Нисскій = Пчела 300)].

„что посѣешь, то и пожнешь“; „что посѣемъ, то и пожнемъ“ (наше Сказаніе о птицахъ).

„что кождо сѣеть, то и пожнетъ“ (XVI вѣкъ: Максимъ Грекъ, II. 395; III. 177).

„что посѣешь, то и пожнешь“ (современная).

г) [Тема: воля Божія].

„да не на нашемъ збудетца“ (Совѣтъ птичій).

„да не на насъ збудетца“ (Слово подъ именемъ Іоанна Златоустаго, нашей рукоп. XVII в. л. 340).

„якоже Богъ повелитъ, тако и будетъ“ (XII вѣкъ: Даніилъ Заточникъ: *Калайд.* 234).

„какъ Богу надобно, такъ и будетъ“ (Совѣтъ птичій).

„что Богъ дастъ, то и будетъ“ (Сказаніе о птицахъ).

„такъ буде, якъ Богъ дастъ“ (западно-русская: *Чубинскій*. Труды экспедиціи, I. 2. стр. 234).

„какъ Богу угодно“; „коли Богъ велитъ“ (современныя: *Даль*).

¹⁾ «Ни птицю горазду», по мнѣнію А. Потебни (Слово о полку Игоревѣ. Воронежъ 1878 стр. 131—132), есть повдѣйшая вставка. Въ видѣ аналогіи. этотъ ученый приводитъ примѣры изъ народной словесности: (бѣдствія не пропускали) «ни звѣря рыскачаго, ни птицы летучей», «олень быстръ бываетъ, да отъ смерти не убѣгаетъ»; Н. Тихонравовъ напоминаетъ еще «суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати».

Кромѣ этихъ пословиць въ Сказаніи о птицахъ есть и другія, вѣроятно столь же древнія, именно:

Подъ лежацій камень и вода не подтечетъ,
вѣкъ коротается (ср. „вѣщи скратиша“ XII в.),
на весь міръ не угодить,
у бабы волосы долги, а умъ коротокъ, и пр.

Древностью отзывается и упоминаніе о гибельныхъ междоусобіяхъ при Ростовскомъ озерѣ, которое, по понятіямъ жителей, съ давняго времени сдѣлалось вѣщимъ палладіумомъ Ростовскаго княжества, предвѣщая ему разныя несчастія; такъ было и прежде, такъ повторилось и въ XV вѣкѣ¹⁾. Извѣстно, что Москва со времени Калиты стала скупать села Ростовской земли²⁾; извѣстно также, что Ростовскіе князья не разъ ссорились и воевали между собою и Москва всякій разъ вмѣшивалась въ ихъ дѣла и постепенно усиливала тамъ свое вліяніе; такъ было въ 1281 и зимою 1363 года³⁾. Идея междоусобія ясно выражена въ сентенціи курохтона: „я ничего не знаю и только я и знаю, какъ мы деремся на Ростовскомъ озере промежу собою, а не знаемъ про что“. Таже мысль, по справедливому замѣчанію Д. Ровинскаго, лежитъ и въ основѣ сказки о Ершѣ Ершовичѣ Щетинниковѣ: „Дана память Ростовскаго озера губному старостѣ большой рыбѣ севергѣ съ товарищи: Въ прошлыхъ де годѣхъ 7110 явася на судѣ, челобитчики Ростовскаго озера рыба лещъ“ съ товарищи жаловались на Ерша, что онъ пришелъ къ нимъ въ Ростовское озеро зимою и рѣшилъ имъ завладѣть⁴⁾.

Этимъ мы и могли бы закончить обзоръ сказаній о птицахъ. Но обзоръ было бы неполнымъ, если бы мы упустили изъ виду пѣсенныя сказанія, старинки. Необходимо сказать два слова и объ этихъ памятникахъ, имѣющихъ извѣстную связь съ рассмотрѣнными сказаніями. Пѣсни эти поютъ о птицахъ на морѣ, о заморскихъ птицахъ. Здѣсь разговариваютъ всего двѣ птицы, а осталь-

¹⁾ Карамзинъ, VI. 9 пр. 8.

²⁾ Карамзинъ; IV. 151.

³⁾ Карамзинъ, IV. 81; V. 3. пр. 2.

⁴⁾ Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки. Спб. 1881, IV. 275.

нымъ отъ одного лица дѣлается лишь краткая характеристика. Такова известная пѣсня „За моремъ синичка не пышно жила“, таковъ птичій чиновникъ или, какъ онъ названъ въ рукописи Имп. Публ. Библиотеки (О. XVII. 17), „чины на мори разнымъ великимъ и малымъ птицамъ“.

„За моремъ синичка“ составляетъ особое сочиненіе о птицахъ, приуроченное всего къ одному вопросу—о выборѣ женихомъ невѣсты. Въ немъ еще сохранилось указаніе на то, что, въ разговорѣ принимали участіе всѣ птицы: „стали всѣ птички межъ собой говорить“, но на дѣлѣ разговоръ ведется только отъ одного имени—снѣгиря или, какъ въ Самаровскомъ вариантѣ, отъ имени снѣгиря и совы. Можно думать, что когда-то эта пѣсня содержала въ себѣ болѣе или менѣе полный списокъ птицъ, но съ теченіемъ времени цѣлый рядъ ихъ утратился изъ народной памяти. Въ пѣсенникѣ 1819 года 10 птицъ, у Сахарова 9, въ Самаровскомъ вариантѣ хотя тоже 9, но здѣсь нѣтъ дрозда, за то является галка¹⁾.

Болѣе разнообразія представляетъ послѣдняя группа пѣсенъ о птицахъ на морѣ, въ которыхъ птицами обозначаются различныя людскія должности и занятія. Вполнѣ XVII вѣкомъ отзываютъ пѣсни подъ №№ 497, 498 и 500 собранія Соболевскаго; тутъ мы встрѣчаемъ царя, бояръ, гусельниковъ, холоповъ, стражничихъ, торговыхъ гостей, атамановъ, разбойниковъ, крестьянъ, донскихъ казаковъ, бабылей безпомѣстныхъ и цѣловальниковъ; тутъ мы встрѣчаемъ игуменовъ, поповъ, монаховъ, дьячковъ, пономарей и трапезниковъ; тутъ еще нѣтъ ни одной сколько нибудь рѣзкой черты, напоминающей XVIII столѣтіе. Птичій чиновникъ Имп. Публ. Библиотеки есть памятникъ сводный изъ двухъ разнаго времени пѣсенъ. Сначала дается слѣдующая группа свѣтскихъ и духовныхъ лицъ: 1) царь, князь, воевода, бояринъ, дворянинъ, міряне, купцы, крестьяне, казаки, солдаты, разбойники и воры, лекаря, плотники, мельники, цѣловальники, ворожейки, повивальная бабка:

¹⁾ *И. Сахаровъ*. Сказанія русскаго народа. Спб. 1841. I. 3. стр. 36; также «Самарово, село Тобольской губерніи» (Спб. 1896², стр. 127—128). Мы не говоримъ здѣсь о такихъ сказаніяхъ, въ которыхъ птицы изображаютъ походку, головную боль и разные другіе случаи—въ пѣсенныхъ сравненіяхъ (*Сахаровъ*, I. 3, стр. 28, 43, 125, 131—132 и пр.).

2) владыко, епископъ, архимандритъ, игуменъ, попъ, монахи, подъячій (иподіаконъ?), псаломщикъ, трапезникъ, пѣвчій, просвирня. Какъ вѣжется, эта часть пѣсни болѣе древняя, XVII вѣка; къ ней присоединена позже пѣсня, въ которой появляются: губернаторы, полицмейстеры, адъютанты, ландраты, комиссары, фульеры, ефрейторы, навигаторы, штурманы, и масса другихъ: здѣсь мы видимъ уже Петровское и позднѣйшее время. Прошлымъ столѣтіемъ отдаетъ и отъ № 496 и 499 собранія Соболевскаго виѣстъ съ Тверскимъ варіантомъ пѣсни. На ряду съ воеводою и другими лицами, отъ коихъ вѣтъ еще XVII вѣкомъ, появляется уже и графиня, и французское платье, и колымага, и коляска и журавъ петербургскій.

Какой же смыслъ разсмотрѣнныхъ нами сказаній о птицахъ? Подобно баснѣ, сказкѣ и Физиологу, сказанія эти подъ видомъ великихъ и малыхъ птицъ выводятъ на сцену различные классы человѣческаго общества, начиная съ князя (царя) и епископа и кончая самымъ послѣднимъ подмастерьемъ; различныя профессіи, начиная съ должностнаго лица и купца и кончая разбойникомъ. Великія птицы, высшій классъ древне-русскаго общества, отличается широкими замашками, полнымъ господствомъ, деспотизмомъ надъ нисшимъ классомъ. „Баба мовить: Мы птахи великіе, всѣхъ бы птахъ малихъ позабывали“; „соколы мовить: Ой вы худые птахи!.. Я царь царемъ, высоко летаю и птахи побиваю“; „гарагулець мовить: Усѣ птахи мене боятся“. Малыя птицы, низшій классъ общества, находятся въ вѣчномъ рабствѣ и темницахъ у господъ, отъ которыхъ ожидаютъ своей гибели. „Хохотва мовить: За нашу немилость напустивъ на насъ Богъ пановъ немилостивыхъ“; „перепелець мовить: Уже намъ отъ тыхъ урадовъ и многихъ пановъ прійдется погинути“; „Янчуекъ мовить: Гды вкинетъ камень въ окіянь-море, гды той камень зъ мора вирне, тогды намъ съ пекла выйти“; „снѣгирь мовить: Якъ тому каменю зъ мора не выйти, такъ намъ съ пекла не выйти“. Малыя птицы исполнены рабскаго повиновенія великимъ птицамъ, которыхъ впрочемъ онѣ не любятъ и мечтають о своемъ освобожденіи отъ нихъ посредствомъ выкупа. „Янчуекъ мовить:

Мы птахи маліе все до купи ся збырали, Господу Вогу молили, а отъ васъ бы ся боронили“. Однако не всѣ холопы такого мнѣнія: нѣкоторые изъ нихъ настолько обжились въ рабствѣ, что съ удивленіемъ спрашиваютъ: какъ же намъ быть безъ пановъ? кто же будетъ судить наши тяжбы? „Дрохва мовить: Коли бь у насъ пановъ не было, а насъ бы не карано, то одинъ другаго хыба бь забывали“; „случева мовить: Коли у насъ пановъ не будетъ, хто насъ будетъ судити?“ И когда находятя люди изъ ихъ же класса, желающіе стать посредниками и судьями ихъ, они остаются не признанными. Тѣмъ не менѣе симпатіи читателя на сторонѣ малыхъ птицъ, низшаго класса общества, какъ ни жалко оно по тупости, воровству, пьянству и разврату; можно думать, что изъ среды народа и могло появиться это сказаніе. Въ чемъ же крестьянинъ находилъ утѣшеніе противъ произвола помѣщика? Въ религіи. Онъ разсуждалъ: я грѣшенъ, дай-то, Боже, мнѣ оправдаться на Страшномъ Судѣ; но вѣдь и великія птицы, высоко и быстро парящія, наши паны, также не уйдутъ отъ Божьяго суда. Встрѣтивъ заморскую птицу, чужестраннаго человѣка, русскія малыя птицы для разрѣшенія своихъ горькихъ недоумѣній, спросили ее: „Скажи намъ всю истинную правду, скажи ты намъ про вѣсти морскія: кто у васъ на морѣ большіе? кто у васъ на морѣ меньшіе?“ Несчастныя, онѣ думали, что и тамъ, за океаномъ, живутъ также господа и холопы; но что же онѣ выслушали? „Глупыя вы, русскія пташки! всѣ птички на морѣ большія, всѣ птички на морѣ меньшія“¹⁾. Въ чужихъ земляхъ оказывается такимъ образомъ равенство сословій, котораго не было на Руси.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мы имѣемъ теперь старыи народный аллегорическій и апокрифическій памятникъ словесности, въ которомъ поставленъ социальный вопросъ о правахъ человѣка. Духовная власть и свѣтское правительство не могло не отнестись въ сказанію подозрительно, и вотъ почему оно попало въ число запретныхъ книгъ и подверглось конфискаціи.

¹⁾ А. И. Соболевскій. Велико-русскія народныя пѣсни. Спб. 1895, I. 583.

I.

ПТИЧЕЙ СОВЕТЪ,

како они межъ собою говорѣли.

(Рук. Имп. Публ. Библиот. О. XVIII. 17 л. 78—85).

1. Орелъ рече: „О горе намъ, братія! много мы согрѣшаемъ, а мало каемся, і за то нынѣ всего у насъ Богъ умалилъ, а сверхъ того за грѣхи будетъ мука вечная!“

2. Нагой рече: „Назы мы, братія, родилися, а Богъ намъ далъ пищу і одежду: тако написано; нынѣ намъ надобно Богу молитися, о грѣхахъ своихъ каятися, и Богъ насъ помилуетъ“.

3. Лебедь рече: „Лежа намъ, братія, добра не нажить, а горя не избыти, спасенія не получитьи, і в дому господиномъ не слыти: надобно работати Богу и добрымъ людемъ, такъ і сыты будемъ“.

4. Кречеть рече: „Крепко мы, братія, спимъ, а рано ложимся, работать ленимся, да еще бы намъ

СОВЕТЪ ПЪТИЧЕЙ;

между собою говорятъ.

(Рук. Ф. Кузнецова въ с. Самаровѣ Тоб. губ.).

1. Орелъ рече: „Горе намъ, братіе; м(н)ого согрѣшаючи, а мало кающся, і за то нынѣ у насъ Богъ умалилъ, а сверхъ того намъ будетъ мука вечная“.

2. Наговъ рече: „Наги мы, братіе, родились; всего намъ Богъ далъ: одежду и питіе; тако і питайтеса, живите правдиво, чтобъ жалобы не было; то Богу любо і добры люди похваляютъ“.

4. Кречеть рече: „Крепко мы, братіе, спимъ, до позѣда, рано ложимся, да еще бы намъ

далъ Богъ добра! Ведаете, что подъ лежачъ камень мало вода подходитъ“.

5. Павлинъ рече: „Питайтеса, братія, своею силою, а за чужее не имаетеса; живите правдою: то і Богу угодно, а отъ людей честь и слава“.

6. Соколь рече: „Согрешилъ кто тяжко, тотъ тяжко і кается; въ нынѣшнія времена мало правды; а мне первому какъ птицы не убить, такъ і сытому не быть“.

7. Ястрепъ рече: „А я, братія, і неволю согрѣшаю: люди меня поймають да на птицу пуцають; нельзя что і не послушать: во что Богъ не поставитъ?“

8. Гусь рече: „Глутому да и бѣзумному добра не нажить і богатства не видать, а разумному вездѣ добро, милость отъ людей честь и слава“.

9. Селезень рече: „Се намъ, братія, далъ Богъ всего много, да сами мы отъ Бога отступили (sic) і дьяволу работаемъ, в томъ и жизнь свою коротаемъ“.

10. Тетеря рече: „Тепере мы, братія, говоримъ много, да не

Богъ далъ добра! а ведаемъ то, чтобъ подъ лежащей камень и вода не подѣтечетъ“.

3. Павликъ рече: „Питайтеса, братіе, своею силою, а за чужо не имаетеса, живите правдиво: чтобъ жалобы не было; то Богу любо і люди похваляютъ“.

7. Соколь рече: „Крепко, тяжко согрешитъ тотъ, тяжко и каетьца; въ нынешнее последнее время правды нетъ; а мѣне какъ птицы не убить, то и сыту не быть; видитъ Господь Богъ мое жарькое летание“.

8. Ясѣтрепъ рече: „Азъ, братіе, и неволю согрешаю: люди меня поймають да на птицы посылають и съпускають; а не послушатца—во что Богъ поставитъ?“

5. Гусь рече: „Глутому да безумьному добра не нажить, а богатства Богъ не дасъ; разумному вездѣ добро: отъ Бога милость, а отъ людей честь и сълава“.

6. Селезень рече: „Се намъ, братіе, всего Богъ далъ, да сами мы отъ Бога отступили, дьяволу работаемъ“.

25. Тетеря рече: „Теперь мы, братіе, много удумали, да не на

нашемъ станетьца: какъ Богу надобно, такъ і будеть“.

11. Соловей рече: „Соломонъ царь жены послушалъ, кобылицу травяную зделалъ, ідоламъ на жертву отдалъ“.

12. Воробей рече: „Ворогъ тотъ человекъ самъ себя, которой возметься за ходое дѣло, а худо и давно за него приметься“.

13. Воронъ рече: „Воры крадутъ, ломають, животь чужей уносятъ, да мало имъ удачи бываеть: какъ ихъ поймають, такъ бьютъ і увечать, в приказъ отводятъ, о томъ ихъ рвутъ і пытають і в розыскахъ жгутъ і мучать“.

14. Грачь рече: „Градъ рушится, векъ коротается, а смертный часъ приближается“.

15. Гагара рече: „Горе намъ, братия, ожидаючи смертнаго часа: праведніи радуютца, а грешніи плачуть, ожидаютъ муки вечныя“.

16. Сычь рече: „Сыщеть Богъ безъ насъ правого і виноватаго, а намъ нечего прежде Бога судить: хто что себя уготовалъ, тому то і будеть“.

17. Филинъ рече: „Фома-апостоль безверный Богу, а неверие

нашемъ збудеться: какъ Богу надобно, такъ и будеть“.

35. Соловей рече: „Соломонъ царь жены послушалъ, кобылицу деревянную зделалъ, ідолу на жертву принесъ,—отступилъ отъ него Богъ“.

20. Воробей рече: „Ворогъ тотъ человекъ, которой имаетьца мнѣ добра за худо; а худо и давно за него“.

21. Воронъ рече: „Воры крадутъ, замки ломають, животь чужой уносятъ, да мало имъ удаеться: какъ поймають, бьютъ и увичать“.

18. Грачь рече: „Градъ рушится, вѣкъ коротается, смертный часъ приближается“.

19. Гагара рече: „Горе намъ, братие, ожидающаго смертнаго часа: праведные радуютца, а грешніи плачуть“.

31. Сычь рече: „Сыщеть Богъ безъ насъ правова и виноватова, а намъ прежде Бога нечево судить“.

его всему миру верно і спасенно
учинилось“.

18. Жеравль рече: „Рады мы,
братия, теплому лету и теплымъ
днямъ; помолимся Богу, чтобы
далъ Богъ лето безъ зимы“.

19. Чайка рече: „Часть всякъ
себѣ милости Божіи; что что мы-
слить, то тому Богъ і подасть:
доброму — добро, а худому —
худо“.

20. Скворецъ рече: „Скоро
вы, братия, удумали, да не ско-
ро збудетца: какъ Богу надобно,
такъ і будетъ“.

21. Снегирь рече: „Снеги па-
ли, а у лениваго ленивца нѣтъ
ни шубы, не сермяги; какъ ему
будетъ зама (sic) зимовать?“

22. Дятель рече: „Дати взаи-
мы, такъ не платить, а не дати,
то хотятъ силою отнять: лутче
отлетети — чужую сторону по-
знати“.

23. Лунь рече: „Лукавому
человеку в нынѣшнія годы і
жить, а с правдою і простою
душею нечево соватца“.

24. Попугай рече: „Попы
стали пьяницы, а крылашана—
бражники: чемъ бы людей учить
і унимать, а они сами дурно тво-
рятъ, а простые люди, на ихъ
же глядя, живутъ і до-пьяна
пьютъ“.

28. Журавель рече: „Жадны
мы, братие, теплому лѣту и теп-
лымъ днямъ; далъ бы намъ Богъ
два лѣта безъ зимы!“

9. Скворецъ рече: „Скоро вы,
братие, много удумали, да не на
нашемъ збудетца: какъ Богу на-
добно, такъ и будетъ“.

26. Снегирь рече: „Снѣги
пали, а у ленивыхъ нетъ не шу-
бы, не сермяги; какъ имъ бу-
детъ зима зимовати?“

27. Дятель рече: „Дать взаи-
мы, да не платятъ.—силоі хо-
тятъ отнять; а лутче отлетети и
чужа сторона спознать“.

23. Попугай рече: „Попы
стали пьяницы, а крылашана
стали бражники; чемъ бы имъ
людеі учить кротости,—а люди,
на нихъ же глядя, живутъ“.

25. Рябь рече: „Человѣкъ добра не делаетъ, да и поучить его некому, а самъ не догадаетца“.

26. Дроздъ рече: „Древняя люди были разумны: і Богу угодили, і намъ образъ оставили, какъ жить, а мы добра не перенимаемъ, а дурно без учения знаемъ“.

27. Чеглокъ рече: „Чего ради намъ, братия, много говорятъ? лутче на одно положить: надобно жить, какъ бы жена хорошая нажить“.

28. Четква рече: „Чего ради жены с мужьями своїми одне живутъ, а холостыхъ къ себѣ не припускаютъ?“

29. Галка рече: „Галитца худой мужъ надъ доброю женою; Богъ ему далъ, да не умеетъ самъ с нею жить“.

30. Сорока рече: „Судорога тотъ человекъ, а не мужъ, которой жены не слушаетъ і не веритъ і в пиръ не отпускаетъ і добрую жену сушитъ: за грехи далъ ей Богъ такого худого мужа“.

31. Иволга рече: „І волная жена, братия, худо, которая мужа не слушаетъ: какъ ей дать волю, і она мужа болше будетъ;

22. Рабъ рече: „Радъ бы инои человекъ и добро делалъ, да поучить его некому, а самъ не догадатца“.

10. Чеглокъ рече: „Чего намъ, братие, много говорити? лутче на одно положить: надобно тужить, какъ бы жена нажить.“

11. Четква рече: „Чего ради, братие, мужья жена^а оне живутъ, а холостыхъ не принимаютъ, то весьма дурно“.

12. Гальва рече: „Галитца худой мужъ надъ доброю женою; Богъ ему далъ, да не умеетъ самъ с нею жить“.

13. Сорока рече: „Судорога тотъ человекъ, а не мужъ, которой жены своей не слушаетъ и не веритъ и в пиръ не отпускаетъ и добрую жену сушитъ; а за грехъ Богъ дастъ жене худова мужа“.

14. Иволга рече: „І волная, братие, жена худо: какъ ей дать волю, и она болѣ будетъ своего мужа“.

а не надобно і доброй жене верить і тайныя сказывать: в бесчестие скоро мужа приведетъ“.

32. Петухъ рече: „Пеняй тотъ мужъ самъ на себя, которой дастъ жене своей наперво волю і свою ей скажетъ правду, а после не можетъ с' нею управитца; а у меня і много женъ, да и тутъ я с' ними управляюсь і воли имъ не даю; а бываетъ и то, что за грехи Богъ дастъ мужу жену злую“.

33. Желна рече: „Жена мужу Богомъ покоренная и всему наученная, а злая жена мужу бесчестие приносить“.

34. Синица рече: „С' сеней княжня боярская упала, заголя гузно лежала і всехъ насъ смехомъ насмешила“.

35. Сова рече: „Совалися бояра, что боярыня с' сеней упала, оголя гозно лежала“.

36. Пелепелка рече: „По полю гуляла, сена косила, в копны возила, в' стоги метала: будетъ себѣ і добрымъ людямъ на целое лѣто“.

37. Ронжа рече: „Рожь в' житницу собирала, животь надсажала и сама не видала, і тако голодно пребывала“.

15. Петухъ рече: „Тотъ самъ мужъ ворокъ, которой дастъ наперво жене своей волю и правду ей скажетъ; и она ево боле будетъ, а онъ послѣ с' неі управитца не можетъ; а у меня много женъ, да я имъ воли не даю; а бываетъ то: за грехи Богъ дастъ мужу злую жену“.

16. Желна рече: „Жена мужу Богомъ покорена и добрымъ мужемъ во всемъ научена“.

17. „Правду ты, курица, сказала, что злая жена мужу бесчестие принесетъ“.

29. Синица рече: „Сени княжие упали, бояра слѣтели, оголя гузна лежали, всехъ насъ смехомъ насмешили“.

30. Сова рече: „Совали боялра, что боярыни упали, оголя гузна мяли (?)“.

32. Пелепелка рече: „По полю ходила, сено косила: будетъ себе і добрымъ людямъ“.

33. Ронжа рече: „Рожь сею, в' житницу собираю: будетъ себе і добрымъ людямъ“.

38. Коршунъ рече: „Кормлюся безъ хлеба—одною рыбою, а чужева не хошу, да и тутъ меня недобримъ человекомъ зовуть: і на то нечево смотреть: на весь миръ не угодить; а какъ цыпленка не убить, такъ і сыту не быть“.

39. Ветвинъ рече: „Говорите, братцы, а слушать у васъ нечево: я самъ далеко летаю, высоко сажуся, много всего видаю, а некому не сказываю; в нынѣшнихъ в послѣднихъ временахъ у людей правда вывелась: хотя не слышать—такъ слышать, і не видятъ—такъ видятъ; нынѣшние люди что старые беси, вострыя шапки, кривыя хвосты; і по моему худому разуму, лутче меньше говорить, такъ болше похвалы.

34. Коршунъ рече: „Кормлюся, братие, одною рыбою безъ хлеба, а чужева не хошу взять; да и тутъ меня зовуть недобримъ человекомъ; а на то, братие, нечево смотреть: на весь миръ не унаровить“.

24. Куропашька рече: „Которой человекъ худой добро знаетъ, и добрыхъ людей научаетъ; а дикихъ не сеютъ, не орютъ, сами радятца“.

К о н е ц ъ .

II.

а)

СЛОВО О ПТИЦАХЪ НЕБЕСНЫХЪ,

какъ почали жити, о Христѣ бесѣдовати, а грѣхи свои споминати.

(Рук. Археогр. Коммисси, № 53, стр. 364—373).

1. Напередъ гусь мовить: „Хто Бога видѣль?“
2. Лебѣдь мовить: „Богъ нашъ на небесехъ опочиваетъ“.
3. Чапля мовить: „Що вы безумнии говорите, иже Богъ нашъ на самомъ небѣ опочиваетъ, а та и сегодня була у Бога“.
4. Чайка мовить: „Отъ тобѣ голеню довги же, плюсовая двигунко, у бѣса ти була, а не у Бога, такъ нѣкто Бога не можетъ видѣти“.
5. Ластовица мовить: „Богъ въ тріехъ лицехъ прославляется“.
6. Утка мовить: „Такъ, такъ, сестро моя, правду ты мовишь“.
7. Соловейко мовить, на деревѣ сѣдаючи, веселенко спѣваючи: „Лудо злочестивый, продалъ еси Христа за 30 сребныковъ, купивъ еси себѣ муку вѣчную“.
8. Сорокопудъ мовить: „Покинувъ Іуда сребныки и злѣзъ на дерево и задавився“.
9. Коростѣль мовить: „Въ той часъ та сидѣль въ хворостѣ и видѣль Христа, распятаго на крестѣ“.
10. Чмовжъ мовить: „Распяли есте за насъ грѣшныхъ“.
11. Дроздъ мовить на жиды: „Для чого вы Христа мордовали и на деревѣ Его распинали и кровь Его розливали?“
12. Ворона мовить: „Кровь, кровь на жидовъ и на чадѣхъ ихъ!“

13. Голубъ мовить: „Уже конецъ вѣку приходитъ“ ¹⁾.
14. Изволга мовить, на верхъ дерева сядячи: „И тое вѣдѣла, коли слонце змѣнилось, мѣсяць въ кровь прѣмънися, коли жида Христа мучили и вини на Его складали“.
15. Жайворонокъ мовить, високо лѣтаючи, а хорошенко спѣваючи: „И мнѣ было велмы Христа жаль“.
16. Лунъ мовить: „Умерти намъ прійдется за наше безаконіе“.
17. Бусель мовить: „Въскресеніемъ своимъ увесь народъ с некла вислободилъ“.
18. Трипутень мовить: „Прійдетъ Богъ на землю судити живихъ и мертвихъ и дастъ комуждо по дѣломъ его“.
19. Баранокъ мовить: „Посадылъ бы насъ Богъ со избранными своими одесную Себе стояти, коли бы добріе дѣла чинили“.
20. Селіезень мовить: „Що намъ за добріе дѣла чиниты, щобъ намъ до рая, до рая доступити“.
21. Соловейко мовить: „Тіе намъ дѣла чиниты: постъ, молитвы и милостыня давати, то на насъ Богъ будетъ милостивій“.
22. Куцтя мовить: „Не велми милостивій на насъ“.
23. Хохотва мовить: „За нашу немилость напустивъ на насъ Богъ пановъ немилостивыхъ“.
24. Дрохва мовить: „Коли бы у насъ пановъ не было, а насъ бы не карано, то одинъ другаго хыба бы забывали“.
25. Баба мовить: „Мы птахи великіе, всѣхъ бы птахъ малихъ позабывали“.
26. Янчугъ мовить: „Мы птахи маліе все до купи ся збырали, Господу Богу молили, а отъ васъ бы ся боронили“.
27. Пава мовить: „На свѣтѣ птахи кращой над мене не машъ“.
28. Индыгъ мовить: „Дурная птахо, хвалися“.
29. Мартинокъ мовить: „Тимъ она хвалиться, що при вельможахъ живеть“.
30. Сусѣдка мовить: „Не будешъ ти за тое свята хыба проклята“.

¹⁾ Далѣе въ рукописи повтореніе: «Изволга мовить: Уже конецъ вѣку приходитъ».

31. Крачокъ мовить: „И мудрая птаха, да не хвалюся, що люде сѣтю ловять, а та тое и без сѣтки уловлю“.

32. Черетянка мовить крачку: „Ловишь ти, ловишь, коли тебе чортъ уловить, та до пекла поведеть“.

33. Постулга мовить: „Чи много намъ у пеклѣ мучитися и буты?“

34. Иичукъ мовить: „Гды вкинетъ камень в окіянь-море, гды той камень з мора вирне, тогды намъ с пекла выйти“.

35. Снѣгирь мовить: „Икъ тому каменю з мора не выйти, такъ намъ с пекла не выйти“.

36. Щуръ мовить на снѣгира: „Не великій еси птахъ, мой еси братъ, але слово твое великое и мудрое: правду ти мовишь“.

37. Горлица мовить: „Богъ нами будетъ справовати“.

38. Случева мовить: „Коли у насъ пановъ не будетъ, хто насъ будетъ судити?“

39. Синица мовить: „И жона разумная и хорошая и на всемъ роскошная. та васъ буду судити“.

40. Воробецъ мовить: „Не подобаетъ женамъ старихъ мужей судити: знай ты, жунка, кудель да гребень, та дома сидячи прасти, щобъ своимъ голимъ тѣломъ не свѣтила“.

41. Чирка мовить на оробця: „Не почичиркуй ти на насъ всѣхъ, броварныку закуптѣлій бѣсе, такій же ти бѣсь, такъ же та: попивъ чужій конопелки, такъ же и та“.

42. Чижики мовить: „Не велми бо есте цнотогивии, коли бы есте такъ мешкали, такъ мой братъ, албо дѣдъ, їдали и пивали да чужихъ конопель не пивали“.

43. Ивулшанка мовить: „Прійдется намъ за нихъ присягати, що оны пивали и їдали чужое доброе“.

44. Перепецъ мовить: „Дурная птахо, сама себе до присяги приводишь“.

45. Пудверенокъ мовить: „Сами вони себе осудять, такъ бѣси завидливие на чужое доброе“.

46. Сакша мовить: „И над тими птахама влючныца буду, котори у вирей пускати и сама за ними ухожаю“.

47. Сорока мовить: „И естемъ залятая птаха и завидливая на чужое доброе: яца крапа и рибу в чоловѣка съ човна хватала що мнѣ на томъ свѣтѣ будетъ?“

48. Плиска мовить на сорову: „Пронасть тобѣ будетъ на томъ свѣтѣ“.

49. Зозуля мовить: „Я естемъ птаха грѣшная и з ѳншымы обцовала и блудь чынила, да рано вставала и до позна ковала, то га вѣже грѣхи свои спокutowала: добре вѣже мнѣ на томъ свѣтѣ будетъ“.

50. Лисыца мовить: „Мука тобѣ на томъ свѣтѣ будетъ по твоихъ злихъ дѣлахъ“.

51. Пѣвень мовить: „Охъ-те мнѣ, бѣда мнѣ! пришолъ часъ и конецъ: хотять мя зарѣзати и вложити мя в горнецъ“.

52. Удудь мовить: „Хто будетъ въ Христа вѣрити, той избавленъ будетъ отъ муки вѣчной“.

53. Дятель мовить: „И нѣкого не збавлю нѣчого, тилко отъ поту душу свою пытаю“.

54. Жолна мовить зеленая: „Мы с тобою на семъ свѣтѣ мучимся, а нѣ осуждаемъ“.

55. Чорная мовить на зеленую: „Мучися ти, але людемъ шкodu чинишь, не тилко людемъ, але и Богу, и пчелы выбираешъ“.

56. Галка мовить: „В корчмѣ не бували, пива не пивали, да рано ѣдали, празныковъ не знали: прійдется намъ на судѣ стояти“.

57. Гай воронъ мовить: „Есть бо вамъ за що на судѣ стояти: що га увесь день борозною хожу с працею великою, а вы тое и без працѣ уживаете“.

58. Сова мовить, на пнѣ сыдячи: „А мнѣ нѣкого такъ не жаль, такъ того луна“.

59. Лунь мовить: „Совухно моя, жонухно моя, изми ти кувшъ великій да наברי ты пива, да перепійти до мене, а га до тебе: такъ поѣмося, то ми всего лыха забудемо“.

60. Селезень мовить: „Брате мой луню, уже бо га отъ того пива охрипъ: не могу уже добре и говорити“.

61. Казань мовить: „Примиѣте и мене до себе и упишѣте

мене въ книги животнія до живота своего; не знаю бо, хто мене сотворивъ: если Богъ, то людемъ на посмѣхъ, а если чортъ, то его братъ, бо я не птахъ; когда мишочій судъ будетъ, то та буду птахомъ, а коли пташній судъ будетъ, то та буду мишею“.

62. Гоголица мовить: „Мы не знаемъ, куды насъ Богъ обернетъ: коли бь над нами Богъ змыловася да насъ у рай упустивъ“.

63. Орелъ мовить: „Я царь над ца(ря)ми“.

64. Соколь мовить: „Я князь над князями“.

65. Яструбъ мовить: „Я вашъ чи не братъ?“

66. Поліовикъ мовить: „Я вашъ чи не гетманъ?“

67. Рабець мовить: „Я птаха не великая, тилко огровне лѣтаю, за тое собѣ проклятво маю отъ тыхъ птахъ малихъ“.

68. Сычъ мовить: „Я вашъ чи не маршалокъ?“

69. Сычъ мовить: „Панове, князове, по ночи лѣтаю, а хорошенко спѣваю: приміѣте мене до себе за музыку, бо вамъ без музыки не пробути“.

70. Соя мовить: „Я сѣмъдесятъ языковъ умѣю: буду я у васъ толмачемъ, бо вамъ безъ толмача не пробути, а другого такого нѣкого пріяни“.

71. Яструбъ мовить: „Нехай цару бо вамъ без толмача не пробути, а другого такого не машъ“.

72. Йистеръ мовить: „У мене чоботы чирвоіні, а сукня чорная: чи не бувъ бы я в васъ войтомъ?“

73. Гарагулець мовить: „Усѣ птахи мене боятса, а кропивянки по кропивѣ ховаются“.

74. Пугачъ мовить: „Я у васъ ураду жадного не хочу: дайте мнѣ асавулство“.

75. Щыгликъ мовить: „Я у васъ ураду не хочу жадного: дайте мнѣ урадъ надъ малою птахомъ“.

76. Перепелець мовить: „Уже намъ отъ тыхъ урадовъ и многихъ пановъ прійдется погинути“.

77. Куликъ мовить: „А мнѣ день за день ближше ко смерти, бо я колісь пропаду за тими врадами“.

б)

(Рук. Имп. Публ. Библи. О. XVII. № 55 л. 68—72).

1. *ти намъ отъ техъ похвалниковъ“.
2. Пава молвить: „Охъ намъ грѣшнымъ! кто можетъ разсудити?“
3. Синица молвить: „Издъ васъ розсужу“.
4. Воробей молвить: „Ты же, синица—худая птица, не подобае тебѣ судити“.
5. А синица молвить: „А ты, воробей, не почиркивай!“
6. Галица молвить: „Какъ намъ безумнымъ и грешнымъ явится предъ Богомъ?“
7. Лугъвица молвить: „Пиво есмь пивали, а с корчмы не бывали: за то намъ грешнымъ погинути будетъ“.
8. Сорока молвить: „И птица грешная: что мнѣ будетъ по мои деломъ?“
9. Плишка молвить: „Мука тебѣ будетъ по твоимъ дѣломъ“.
10. Дятель молвить: „Издъ есмь никого не обижу“.
11. Желна молвить: „Богъ будетъ судити“.
12. Пеллепка молвить: „Разве Бога кому судити?“
13. Снегирь молвить: „Богу все на воле Его будетъ“.
14. Щегля молвить: „Самогласныя, что изволишь—рай или муку?“
15. Чижь молвить: „Луче намъ рай, а вечная мука не надобе“.
16. Коростель молвить: „Праведнымъ рай, а грѣшнымъ мука вечная“.
17. Филинъ молвить: „Что посѣешь, то и пожнешь“.
18. Гаржихристь молвить: „Горе намъ будетъ за наше беззаконство“.
19. Аистъ молвить: „Что есте прежде Бога судите и гадаете: что Богъ дастъ, то и будетъ“.
20. Клестъ молвить: „Горе намъ будетъ за наше беззаконство“.

21. Баба молвить: „Я бы и была с вами в думе, да думы моее не любить“.

22. Зуй молвить: „По деломъ твоее бабьи думы не любить: у тебя, баба, волосы долги, а умъ коротокъ“.

23. Мартышка молвить: „На что мнѣ умъ? толко бы мнѣ была по истокомъ рыба“.

24. Бюша молвить: „Летаю я высоко, гляжу далеко“.

25. Кривоцъ молвить: „Всякъ разуменъ вся пр...., а гьлупово неть“.

26. Гусь молвить: „Азъ есмь крестьянинъ Божей: ничего не знаю, толко я и знаю — овесъ зобаю“.

27. Курохтонъ молвить: „Я ничего не знаю, толко я и знаю, какъ мы деремса на Ростовскомъ озере промежу собою, а не знаемъ про что“.

28. Малиновка молвить: „Сажуса я на малиннике: люди меня не видять, а гласъ мой всемъ славенъ“.

29. Борашко молвить: „Уже бы я залетель отъ техъ похвальниковъ“.

30. Грачъ молвить: „И такъ мы не вместе живемъ“.

31. Тетеревъ молвить: „А я вамъ всемъ не товарищъ: ничево не думаю“.

32. Зогоска молвить: „Я птица грешная: гнезда своего не розумею, а детей своихъ николи не знаю“.

33. Сова молвить: „Добрая жена — высокие брови, болшие глаза: в дне я не вижу, а в ночи летаю, ничево не знаю: толко бы мнѣ были петушки да еурочки, то я и знаю“.

34. Ворона молвить: „Я птица грѣшная, серокрылая, ничево не знаю, толко и знаю — по дорогамъ летаю да соры розбиваю.

Во веки аминь.

в)

СКАЗАНИЕ О ПТИЦАХЪ НЕБЕСНЫХЪ,

какъ почали жити и быти, о Христѣ тужити, грѣхи своя воспоминаити,
вѣкъ свой провожати, Христа прославляти.

(рук. О. Л. Д. П. Q. XVIII л. 311 об.—314).

1. Гусь молвить, вверху летячи: „Кто Бога видилъ, каковъ
Онъ образомъ есть?“

2. Сорока молвить: „Я вчера у Бога была и съ Богомъ гово-
рила; нынче я буду мѣлкихъ птицъ судити“.

3. Овсянка молвить: „Ой ты сорока блядь! полно, ты у чорта
была, а не у Бога“.

4. Журавль молвить: „О, худыя птахи! я васъ подороднея и
повыше вашего летаю, и тутъ Христа николи не выдаю“.

5. Пелепелка молвить: „Ой ты, журавль, долгія блядья го-
лени, дрясливое гузно, некрестъ: ты жрешь мышей и козюльки, не
превозносиа; какъ бѣсъ, такъ и ты“.

6. Соколь молвить: „Ой вы, худыя птахи! да повѣдайте вы
небеса высокія; я царь царемъ, высоко летаю и птахи побиваю,
и тутъ я Христа николи не выдаю“.

7. Орелъ молвить: „Ой вы, худыя птахи! кто у васъ царь
опричь меня орла?—я царь царемъ“.

8. А соколь молвить: „Я у васъ окольнічей“.

9. А ястребъ молвить: „Я у васъ бояринъ“.

10. Кочеть молвить: „Я у васъ думной діакъ“.

11. Кречеть молвить: „А я у васъ дворецкой“.

12. Кобецъ молвить: „А я у васъ стану въ гонцахъ гонять“.

13. Сусетка молвить: „Ой ты, копецъ, подорожникъ, степной
разбойникъ! вѣдомые вы воры съ кречатомъ,—быти вамъ обѣ-
имъ казненнымъ: воровали вы вмѣстѣ“.

14. Жаворонокъ молвить: „Я высоко летаю, пѣсни воспѣваю,
Христа прославляю“.

15. Кокушка молвить: „Я еси коковала, грѣхи свои воспоминала“.

16. Чибись молвить: „Я по болотамъ сижу, всякой неправды стерегу“.

17. Куликъ молвить: „А я бьюся объ одномъ гнѣздѣ“.

18. Голубь молвить: „Что у васъ, братие, бояръ много и судѣй, да нѣкому насъ разсудить“.

19. Синица молвить: „Я жонка разумная и дородная, я дома сижу и васъ разсужу“.

20. Воробей молвить: „Ой ты, синица, блядь! не доведетца тебѣ насъ мужей судити, знай ты свой гребень да охлопки“.

21. Синица молвить: „Нишени ты воробей, не почиркивай; живи ты со мною какъ твой отецъ съ моимъ отцомъ ладно живали, хлѣбъ-соль вмѣстѣ ѣдали, за одно чюжія конопли побивали“.

22. Дятель молвить: „Я себѣ теремы становлю, а николи въ хоромахъ своихъ не живу“.

23. Скворецъ молвить: „И мы тожъ, братие, сидимъ по темницамъ, кое по клѣткамъ“.

24. Утка молвить: „Такъ, скворецъ, правды ты говоришь“.

25. Агистъ молвить: „Охти, горе намъ! грѣшнымъ спастися, а мы не можемъ спастися“.

26. Соловей молвить: „Всѣ мы, братие, пересудились, а себѣ ничего не усудили; кому рай, кому мука, кому царство небесное“.

27. Гогѣль молвить: „Что посеешь, то и пожнешъ“.

28. Костякъ молвить: „Пора намъ, братие, повайтися“.

29. Дроздъ молвить: „Покайтесь, братия, судъ при дверехъ“.

30. Берклетъ молвить: „Богу нашему слава и ныне и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“.

г)

СЛОВО О ПТИЦАХЪ,

КАКО СТАЛИ НА СВЕТО ЖИТИ И ВЕЖЬ СВОЙ ПРОВОЖ(АТИ).

(Рук. П. Щукина № 52, л. 173 об.).

1. Гусь молвить: „Рцы, любимце мои пт(ицы), великъ у насъ Богъ на земли?“
2. Лебедь мол(вить:) „Нетъ, великъ у насъ Богъ на небеси, (а не на) земли“.
3. Цапля молвить: „Я вчерась у Бога (была), со святыми и беседовала“.
4. Скопецъ м(олвить:) „Чеплавица, чему ты хвалишися?“
5. Ра(Чайка??) молвить:) „Ты у бѣса была, а не у Бога“.
6. Ласка молвить, перья свои перебираючи: „Ахти, лгутъ!“
7. Утка (мол)вить: „Такъ, такъ: есть хотя ма(лая) птичка, а правду речеть“.
8. Чижики мол(вить:) „А что у насъ Господь Богъ доброе сотворилъ?“
9. (Коростель?) молвить: „Мне видно была, какъ Христа жи(ды) распинали“.
10. Дроздъ молвить: „И я видель, ка(къ) Июда Христа продалъ на распятіе за три(дцеть) сребреникъ, а купилъ себе тму“.
11. Воронъ м(олвить:) „Не замай, кровь на кровь будетъ“.
12. С(оловей?) ¹⁾ молвить, (весело?) спеваючи: „Послушете, птичка ...Господь воскреснетъ, всему подаетъ радость“.
13. Орелъ молвить: „Я*

¹⁾ А. Яцимирскій читаетъ: С(оловъ).

III.

а)

ЧИНЫ НА МОРИ РАЗНЫМЪ ВЕЛИКИМЪ И МАЛЫМЪ ПТИЦАМЪ.

(Рук. Имп. Публ. Вѣсл. О. XVII. № 17).

Царь на море сизой орелъ,
Царица—белая колпица,
Павлинъ на море воевода,
Малыя павлята—то на море воеводския дети.
Лунъ на море архимандритомъ,
Дьякъ на море попугай,
Кречеть на море подъячимъ,
Белой кречеть на море владыка,
Белой колпикъ на море епископъ,
Черной воронъ на море игуменъ;
Грачи на море старцы,
Галочки на море черницы,
Ласточки на море молодіцы,
Косаточки на море красныя девицы.
Лебѣди на море князья,
Серныя гуси на море бояра,
Селезни на море дворяна,
Малыя чирята—то на море пашенныя крестьяна,
Пелепелки—то на море поповы женки,
Жаворонокъ на море дьякъ,
Скворецъ на море певчей,
Соловей на море псаломщикъ,
Старой пелепель на море трапезьникъ,

Синица на море просвирня,
Зяблица на море вдовица,
Пляшка на море сиротинка,
Чижъ на море гостиной сотни торговой,
Гость на море щегленокъ,
Гостиная жена сорока,
Цветное платье носить,
Водрую поступку учиняетъ,
Она же блядь, курва і волочайка;
Ковушка на море ворожейка,
Она же бабушка і повитушка:
По дворямъ летаетъ,
Робять повиваетъ;
Корьшунъ на море лекаръ:
Армейской дохтуръ летаетъ,
Цыплятъ хватаетъ,
Темъ сытъ пребываетъ.
Ворона воровка,
Она же блядь, курва і волочайка,
Днемъ летаетъ по дорогамъ,
А ночью по гумнамъ.
Скопа на море еретица,
Сова боярыня высокая
Брови по якутски,
Глаза с проволокой,
Соколь разбойникъ:
Лебединое стадо разбиваетъ,
Горячую кровь проливаетъ,
Темъ сытъ пребываетъ.
Куликъ на море перевозчикъ,
Дятель на море плотникъ,
Стерхъ на море мельникъ,
Мелнишной строитель.
Чеглокъ на море целовальникъ,

Бакланъ на море водолазомъ:
Въ воду лазить, рыбу хватаетъ,
Живую глотаетъ.
Рыболовы на море мартышки
Купецкия люди на море казарки.
Зуйки на море казаки.
Голуби на море саддаты,
Петухъ индейской на море начальникъ.
Аистъ на море полицеместерь,
Вихоръ на море есауломъ.
Зуй на море маноромъ,
Клюй на море адъютантомъ.
Потатуй на море капитаномъ,
Чечетка на море капитанша,
Снигирь на море порутчикъ,
Анцура на море прапорщикъ.
Жолна на море лантратомъ.
Ястребъ на море губернаторомъ.
Журавль на море камісаромъ
Петухъ на море сержантомъ.
Курупашка на море капрадомъ.
Гагара на море рудометка.
Дроздъ на море оульерь.
Глухарь на море ефретуръ.
Воробышекъ на море прохвостомъ.
Дергачъ на море барабаньшикъ.
Полуношникъ на море сиповшикъ.
Рябчикъ на море гранадчикъ.
Выпь на море трубачеомъ.
Стрижъ на море навигатуръ.
Ремезъ на море штурманъ.
Щегленокъ на море шкипаръ.
Сычъ на море боцманъ.
Турпанъ на море ничманъ.

Бедровка на море конопатьчикъ.
Ронжа на море пределшикъ.
Өилинъ на море команьдорожъ.
Чайка на море командорша.
Мартышки на море швардоньцы.
Чегравы на море гранадеры.
Иволги на море кананеры.
Серья мартышки на море баталюнцы.
Селезни на море драгуны.

К о н е ц ъ .

б)

«Изъ рукописнаго сборника въ Твери».

Протекало теплое море,
Слетались, садились птицы рядами,
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу синицу:
Ой ты еси малая птица!
Скажи ты намъ истинную правду:
Кто у васъ на морѣ большія,
Кто у васъ на морѣ меньшія? —
Сказывала малая птица,
Малая птица синица:
Ой вы еси русскія пташки,
Русскія пташки неразумныя!
Всѣ у насъ на морѣ большія,
Всѣ у насъ на морѣ меньшія:
Орелъ на морѣ воевода,
Перепелъ на морѣ подъячій,
Пѣтухъ на морѣ цѣловальникъ,
Журавль на морѣ подвозникъ,
То-то долгія ноги!

То-то французское платье!
По овсяну зерну ступаетъ.
Медвѣдь на морѣ кожевникъ,
Волкъ на морѣ овчинникъ,
Зяцъ на морѣ бумажникъ,
Шмель на морѣ рукавишникъ,
Чижъ на морѣ живописецъ,
Аистъ на морѣ портной мастеръ,
Совушка на морѣ графиня:
То-то высокія брови!
То-то умильные взгляды!
То-то хорошая походка!
То-то желты-желты сапожки!
Съ ножки на ножку ступаетъ,
Высокія брови поднимаетъ.
Гуси на морѣ бояре,
Утята на морѣ дворяне,
Воробьи на морѣ холопы:
Вездѣ воробейко срываетъ,
Бить воробейко не бываетъ.
Лебеди на морѣ князи,
Лебедушки на морѣ княгини,
Бѣлка на морѣ трубачомъ,
Рыболовъ на морѣ каретникъ,
Бѣлица на морѣ цапля.
Ковушка пирожна лапушка,
Чечеть на морѣ торговой,
Куликъ на морѣ разсмыльщикъ,
Воронъ на морѣ игумень,
Живетъ всегда поза(дь) гумень,
Грачи на морѣ старцы,
Галочки на морѣ старички,
Ласточки у насъ молодочки.
Косаточки красныя дѣвушки;

Красная харя—ворона,
Зимой ворона по дорогамъ,
Лѣтомъ ворона по застрѣхамъ;
Дятель на морѣ плотникъ:
Всякое дерево долбить,
Хочетъ храмъ срубить,
Въ коемъ бы намъ было жити;
Соколъ на морѣ наѣздникъ:
На всяку птицу наѣзжаетъ,
Грудью онъ всяку побѣждаетъ;
Сорока у насъ щеголиха:
Безъ калача ѣсть не садится,
Отъ всѣхъ особо становится,
Безъ сладкого меду не вставала,
Вставши отвѣту не давала,
Пѣшая въ обѣду не ходила:
Все бы ей въ колымажкахъ,
Все бы ей въ коляскахъ,
Все бы ей кареты золотые,
Все бы ей кони воронные,
Все бы ей лакеи молодые,
Все бы молодые, холостые.
Бѣдная малая птица,
Малая птичка синичка!
Сѣна косить не по силѣ,
Стадо водить не умѣетъ!
Бѣдная малая птица,
Скудная птица синица!
Мы тебя такъ выхваляемъ
И всею похвалою скончаемъ.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ.

- а** = я: прасти 10.40, бладь 19.19.
але 10.38; 11.55, въ малор., польск. ale, значить: но.
борозною 11.57.
броварнику 10.41; въ малор., польск. browarник, значить: пивоваръ.
в = у: вже 11.49; врадами 12.77.
вирей 10.48: дверей?
врадами 12.77, см. урадь.
двигунко 8.4.
дрясливое 15.5; вѣроятно съ тѣмъ же значеніемъ, что и: трасогуска.
закуптѣлій 10.41: закоптѣлый, черный, вѣіопъ?
караю 9.24; въ малор., польск. karać, значить: наказывать; смыслъ фразы:
и насъ бы не наказывали.
ковала 11.49; коковала 16.15.
козюльки 15.5; въ малор., польск. kozinłka, значить: большой комаръ, долго-
ножка.
мордовали 8.11; въ малор., польск. mordować, значить: убивать.
обцовала 11.49; въ малор., польск. obcować, значить: имѣть связь, знаться.
огровне 12.67; огромне? польск. ogromnie: страшно.
п = б: пивали 10.42.
пекла 9.17; 10.32—35; въ малор., польск. piekło, чешск. peklo, значить: адъ,
геенна, преисподняя, тѣма кромѣшная.
плюсовая 8.4, вѣроятно съ тѣмъ же значеніемъ, что и: плюговая.
почичиркуй 10.41; почиркивай 13.5; 16.31.
праца 11.57; въ малор., польск. praca, чешск. (praca) práce, значить: трудъ,
работа.
спокутовала 11.49; въ малор., польск. pocutować za grzeszy, значить: каяться
въ грѣхахъ.
справовати 10.37; въ малор., польск. prawować się, значить: судиться, тя-
гаться.
сукня 12.73; въ малор., польск. suknia, значить: одежда, платье.
урадь 12.74—76; въ малор., польск. urząd, чешск. úřad (wradie, w rzadie,
v úřadě), значить: чинъ, должность, званіе.
ховаются 12.73; въ малор., польск. chować się, значить: прятаться.
хыба 9.24.30; въ малор., польск. chyba, значить: развѣ, исключая, кромѣ,
если; въ первомъ случаѣ оно соотвѣтствуетъ, повидимому, термину:
непремѣнно, а во второмъ термину: а только.
цнотогивні 10.42; въ малор. цнота, польск. cnota значить: добродѣтель; cnotliwy,
доблестный.
чеплавица 17.4.
човна 11.47.
шкоду 11.55; въ малор., польск. szkoda, значить: ущербъ, убытокъ, вредъ.
ы = и: забывали 9.24.25; пытаю 11.53.

